

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Елисеева М.А.

Динамика социальной структуры населения России

Москва 2019

Аннотация. Данный препринт посвящен двум темам из сферы актуального состояния социальной структуры – сравнению положения работников бюджетного и небюджетного сектора и анализу ограничений (деприваций) представителей различных страт. Бюджетники и небюджетники изучены с точки зрения материально-имущественного положения, социально-профессионального статуса и субъективного благополучия в динамике за 2015-2017 гг. Также описаны особенности попадания этих двух групп занятых в средние классы по интегральному признаку.

Малева Т.М. зав. лабораторией исследований уровня жизни и социальной защиты ИНСАП, директор ИНСАП Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Бурдяк А.Я. старший. научный сотрудник лаборатории исследований уровня жизни и социальной защиты ИНСАП Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Елисеева М.А. научный сотрудник лаборатории исследований социального развития ИНСАП Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНОГО И НЕБЮДЖЕТНОГО СЕКТОРОВ	5
1.1 Описание целевых групп исследования	5
1.2 Уровень образования, профессионально-квалификационные группы и социально-профессиональный критерий средних классов	13
1.3 Субъективные оценки социального положения и субъективный критерий вхождения в средний класс	21
1.4 Доля представителей среднего класса среди занятых в бюджетном и небюджетном секторах	31
2 АНАЛИЗ МАСШТАБОВ И ГЛУБИНЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕПРИВАЦИЙ ДОМОХОЗЯЙСТВ ИЗ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТ	37
2.1 Построение депривационного инструментария на данных обследования ЧСО	37
2.2 Распространенность лишений и депривационной бедности среди представителей разных страт	51
2.3 Проекция депривационной бедности на шкалы богатства, власти и уважения .	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	66

ВВЕДЕНИЕ

Обследование «Человек, семья общество» представляет собой серию из трех волн социологических опросов взрослого населения Российской Федерации и позволяет отслеживать динамику социальных преобразований. Основной целью работы выступает анализ динамики социальной структуры общества на разных этапах экономического цикла, с помощью которого раскрываются особенности актуального состояния социальной структуры и описываются наиболее вероятные перспективы ее дальнейшего изменения.

Работа основана на данных социологического опроса населения «Человек, семья, общество» (ЧСО-2017), подготовленного и проведенного Институтом в 2017 г., а также на первичных данных и результатах двух предыдущих волн обследования ЧСО-2015 и ЧСО-2013, реализованных Институтом в предыдущие годы.

Опросы «Человек, семья, общество» в 2013, 2015 и 2017 гг. проведены в едином методологическом ключе касательно измерения и оценки базовых характеристик социально-экономического положения населения, семейных ячеек и домохозяйств. Это дает нам возможность не только получить свежие оценки масштабов и структуры средних классов в российском обществе, но и ответить на более глубокий вопрос о динамике всей социальной структуры населения России. Идентичность инструментария и метода сбора данных обследований ЧСО-2015 и ЧСО-2017 позволяет вынести методологические нюансы за рамки сопоставления и ответить на вопросы о влиянии экономического кризиса на домохозяйства, об адаптации населения к меняющимся экономическим условиям, о перспективах преодоления кризисного спада и стагнации. На данных социологического опроса «Человек, семья, общество» выделяются материально-имущественная, социально-профессиональная и субъективная компоненты стратификационной шкалы. Рассчитаны масштабы среднего класса в населении России по состоянию на 2017 год, и подробно описана структура данной страты. Привлекая к анализу наши исследования предыдущих лет, мы провели мониторинг полной стратификационной шкалы общества сквозь призму смены этапов экономического цикла и проанализировали влияние экономического кризиса на социальную структуру российского общества.

1 Сравнительный анализ социального положения работников бюджетного и небюджетного секторов

1.1 Описание целевых групп исследования

В данном разделе будут рассмотрены некоторые аспекты социального положения россиян, в зависимости от того, заняты они в государственном или негосударственном секторе экономики. В частности, будут проанализированы вопросы, касающиеся следующих областей:

- Уровень образования
- Вопросы занятости
- Субъективные оценки респондентов их социального положения
- Попадание в категорию среднего класса.

Все расчеты, приведенные в данном разделе, были получены на основании двух волн обследования «Человек, Семья, Общество», проводимых в 2015 и 2017 годах. Стоит отметить, что в 2015 году были проведены как телефонный опрос, так и опрос с использованием планшета, а в 2017 году только телефонный опрос, поэтому логично, чтобы сравнение двух волн в этом разделе было проведено только на основании двух телефонных опросов.

В первую очередь стоит рассмотреть динамику изменения долей работников бюджетного и небюджетного секторов в разрезе возрастных групп, типов населенных пунктов проживания и пола, чтобы иметь более полное понимание социальных процессов и изменений, внутри этих двух подгрупп.

В отношении того, какие группы работников должны быть отнесены к бюджетному сектору экономики не существует единой методологии. Так, Росстат предлагает включить в эту группу трудящихся в трех отраслях экономики:

- Государственное управление и услуги;
- Образование;
- Здравоохранение.

В данной работе под работниками бюджетного сектора понимаются именно респонденты, занятые в этих трех отраслях. Стоит отметить, что в вопроснике Обследования есть также дополнительный вопрос о секторе занятости респондентов, однако, стоит понимать, что большая часть их может не знать, являются ли они государственными служащими или нет. В первую очередь это касается работников

низкого уровня квалификации, но не ограничивается ими, поэтому в рамках данного анализа к работникам бюджетного сектора было решено причислить всех опрошенных, отнесенных к трем вышеперечисленным отраслям. На рисунке 1 представлено распределение занятых респондентов по отраслям занятости, которое было получено в результате ответов на вопрос о том, чем занимается предприятие, организация, где они трудятся, какие основные товары или услуги производит. В результате к работникам бюджетного сектора экономики в 2015 году были отнесены 23,1% опрошенных, а в 2017 году 23,7%. Таким образом, нельзя говорить о том, что в результате периода спада в экономике доля занятых в бюджетном секторе по отношению ко всем работникам снизилась.

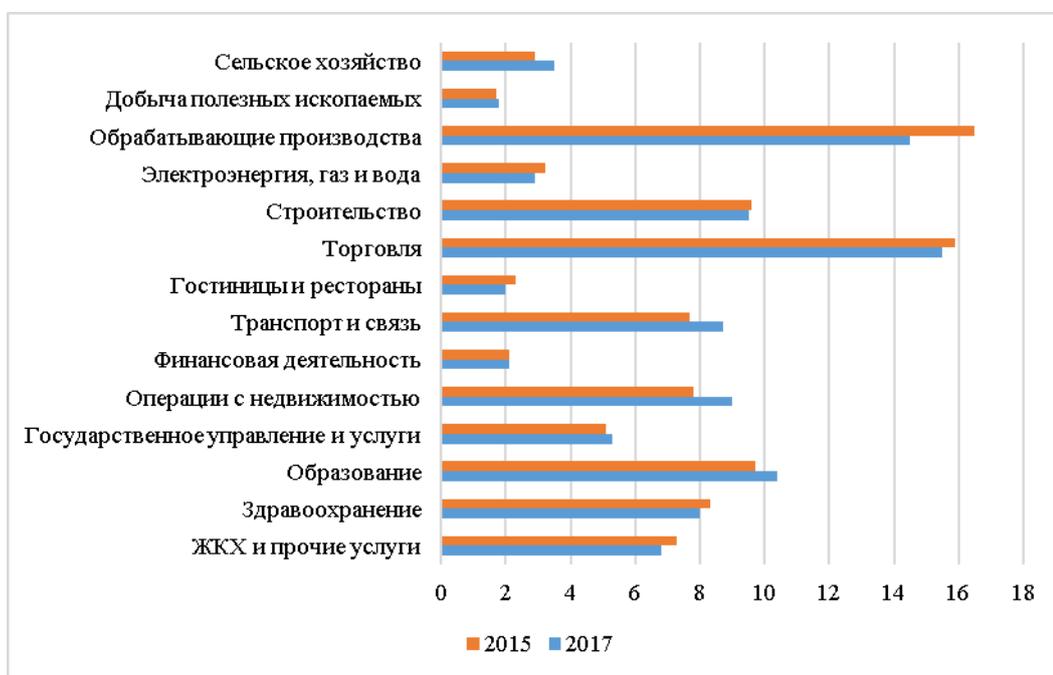

Рисунок 1 – Распределение работающих респондентов по отраслям экономики, 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Если говорить о занятости бюджетных и небюджетных работников, соотношение их в разрезе двух волн обследования практически не меняется, однако уровень занятости снижается в обоих секторах. Так, если в 2015 году доля бюджетников по отношению ко всему населению составляла 16,5%, то к 2017 году она снизилась до 14,4%. Доля занятых в небюджетном секторе по отношению ко всему населению снизилась намного сильнее – с 55% до 46,3%. Таким образом очевидно, что, хотя распределение долей работников по двум секторам практически не меняется их численность в целом в кризисный период сокращается.

На рисунках 2 и 3 представлено распределение работников, занятых в государственном и негосударственном секторах экономики по пятилетним возрастным группам в 2015 и 2017 гг. В отношении возрастных групп можно отметить, что в обеих волнах обследования были проанализированы группы респондентов в возрасте 18-72 лет, что не соответствует определению экономически активного населения (15-72 года), однако дает возможность проанализировать основные социально-экономические процессы в жизни опрошенной части населения.

В 2015 году, как видно из рисунка 2, распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, было достаточно равномерным. Основные различия наблюдаются в самой младшей возрастной когорте (до 25 лет), где доля бюджетников составляет 8,1%, а доля небюджетников 7,3%, а также в группах 55-59 лет (12,2% и 10,7% соответственно), 65 лет и старше (10,7% и 9,4% соответственно). Также интересно отметить, что доли занятых в бюджетном и небюджетном секторах экономики ниже всего не только в младшей возрастной группе (соответственно 8,1% и 7,3%), что связано с учебой и трудностями выхода на рынок труда, но также и в группе работников 45-49 лет (соответственно, 7,4% и 8,9%).

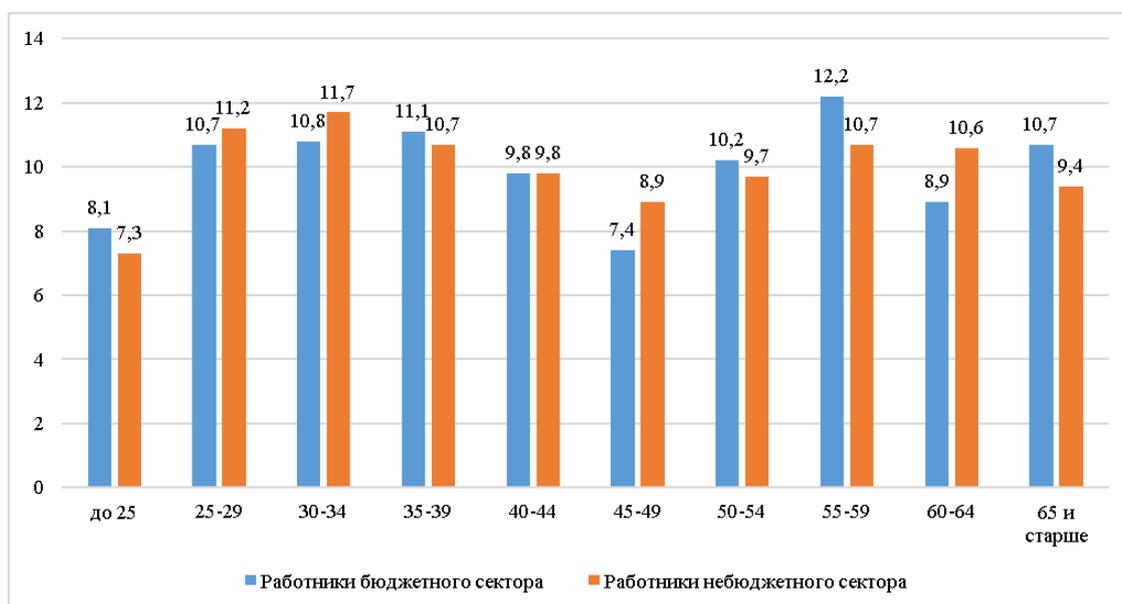

Рисунок 2 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по возрастным группам, 2015 год, %

Как видно из рисунка 3, к 2017 году ситуация в распределении долей респондентов, трудящихся в бюджетном и небюджетном секторах несколько поменялась. В первую очередь, стоит обратить внимание на то, что в младшей возрастной когорте доля работников государственного сектора теперь ниже, чем занятых в негосударственном

только на 3%, в возрасте 25-29 лет, напротив, разрыв несколько увеличился (5%). Также можно отметить общую для обеих волн тенденцию, когда доля бюджетников начинает превалировать после 40 лет, разница составляет от 0,9% в возрастной когорте 55-59 лет до 3,9% в возрасте 45-49 лет.

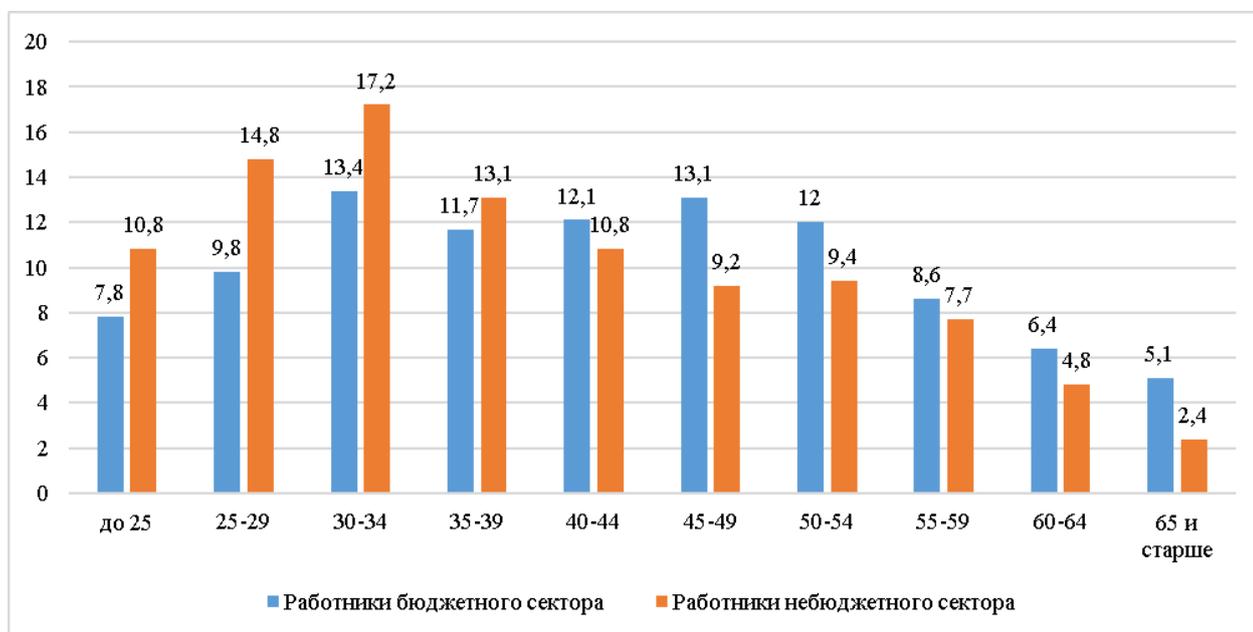

Рисунок 3 – Распределение работающих респондентов по возрастным группам, по секторам занятости, 2017 год, %

В динамике распределения работников по двум секторам экономики, можно отметить, что в самой младшей возрастной когорте доля респондентов, занятых в бюджетном секторе, несколько снизилась (с 8,1% в 2015 году до 7,8% в 2017 году). В целом, в возрастах 25-54 года распределение опрошенных, занятых в бюджетном секторе, практически не изменилось за рассматриваемый период (разница в -1,8%-0,6%), а сильнее всего доля снижается в возрастной когорте 55-59 лет (-3,6) и 60-64лет (-2,5%). В отношении распределения работников небюджетного сектора, можно сказать, что за две волны обследования различия оказались менее значительными в более старших возрастах, в то время как в когорте до 25 лет рост составляет 3,5%, 25-29 лет прирост на 3,6%. Более того в когорте 30-34 года доля бюджетников максимальна и составляет 17,2% в 2017 году, что на 5,5% больше, чем в 2015.

Среди всех работников бюджетного сектора экономики, 21,6% проживают в городах с более чем миллионом жителей. В небюджетном секторе эта доля практически такая же и составляет 23%. В городах с 500 тыс. - 1 млн. жителей доля бюджетников также несколько ниже (соответственно, 8,6% и 9,1%), хотя уже в городах с 250-500 тыс. человек

доли равны (по 11%). В остальных городах и поселках городского типа доли различаются в пределах 1,5%, а в сельской местности несколько преваляет доля служащих в небюджетном секторе (20,4% против 19,1%) (рисунок 4).

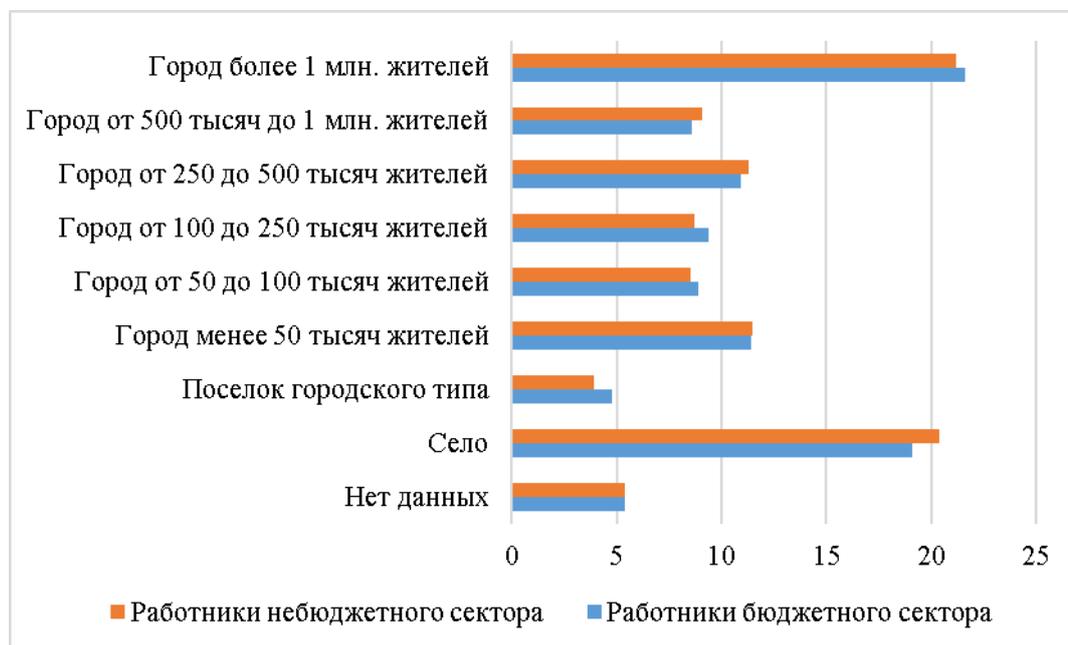

Рисунок 4 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по типам населенных пунктов, 2015 год, %

В разрезе типов населенных пунктов, по результатам опроса 2017 года, можно отметить, что доли работников бюджетного и небюджетного секторов экономики, различаются незначительно. Тем не менее, доля занятых в государственном секторе ниже в городах миллионниках (14,9% против 20,1% в негосударственном секторе), а также в городах с 500 тыс.-1 млн. жителей (соответственно 7,5% и 9,5%). В городах с 250-500 тыс. жителей доля бюджетников несколько выше (соответственно, 12,5% и 11,6%).

Каждый десятый, занятый в обоих секторах экономики, проживает в городах с 100-250 тыс. жителей. В городах с менее, чем 100 тыс. жителей и поселках городского типа разница между долями занятых в обоих секторах экономики находится в пределах 1 п.п. В то же время, в сельской местности доля респондентов, занятых в бюджетном секторе выше (29,8% против 23,6%) (рисунок 5).

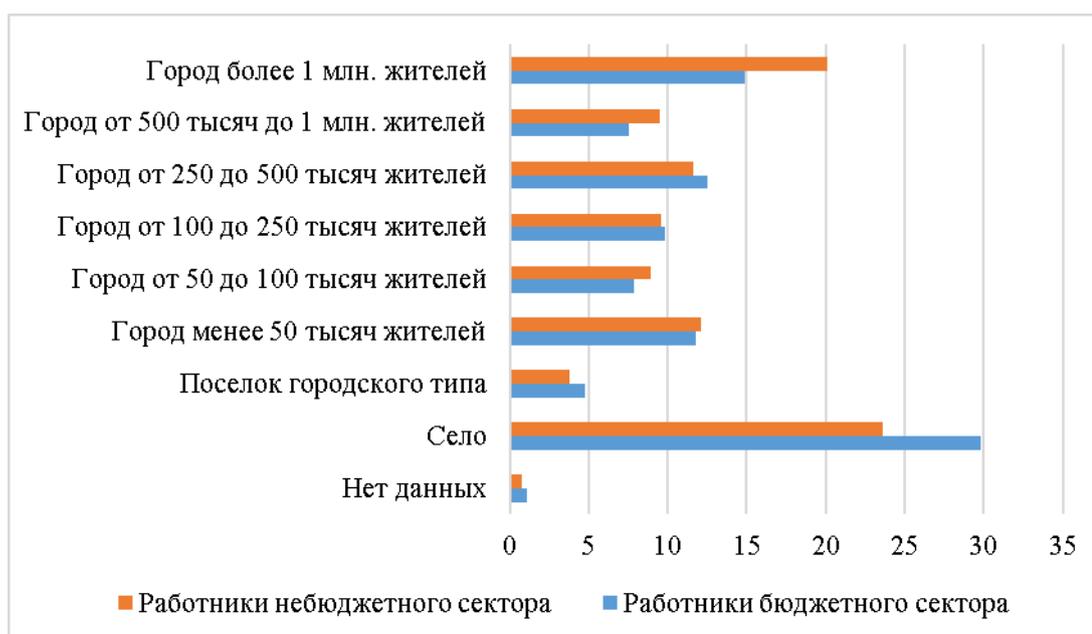

Рисунок 5 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по типам населенных пунктов, 2017 год, %

Если сравнивать динамику долей работников бюджетного и небюджетного секторов в поселенческом разрезе между волнами ЧСО 2015 и 2017 года, видно некоторый «отток» работников, занятых в бюджетном секторе из крупных городов, в первую очередь городов-миллионеров, в сельскую местность. За рассматриваемый период доля занятых в государственном секторе в городах с более чем 1 млн. жителей снизилось на 5%. В то же время в селах она возросла на 10,7%. В остальных населенных пунктах разница не столь заметна и колеблется в пределах 1,5%. Также, можно отметить, что в 2015 году по более чем 5% респондентов не было данных об их населенных пунктах проживания, тогда как в 2017 году доля составляет только 1%.

В 2017 году наблюдается значительный прирост среди респондентов работников небюджетного сектора в сельской местности (23,6% против 20,4% в 2015 году). В то же время в городах, где проживает более 1 млн. человек доля снизилась на 1,1%. В остальных населенных пунктах разница за период 2015-2017 гг. составляет около 1%.

В 2015 году можно отметить более высокие доли женщин как в бюджетном (58,7% против 41,3% мужчин), так и в небюджетном секторе (соответственно, 61,6% против 38,4% мужчин). В 2017 году ситуация резко поменялась, в частности выросла доля женщин, среди опрошенных, занятых в бюджетном секторе экономики, она составила 71,9%, что означает рост на 13,1 п.п. В то же время, за рассматриваемый период доля женщин в негосударственном секторе снизилась с 61,6% до 41,4%, а мужчин, напротив, выросла с 38,4% до 58,6% (Рисунки 6 и 7).

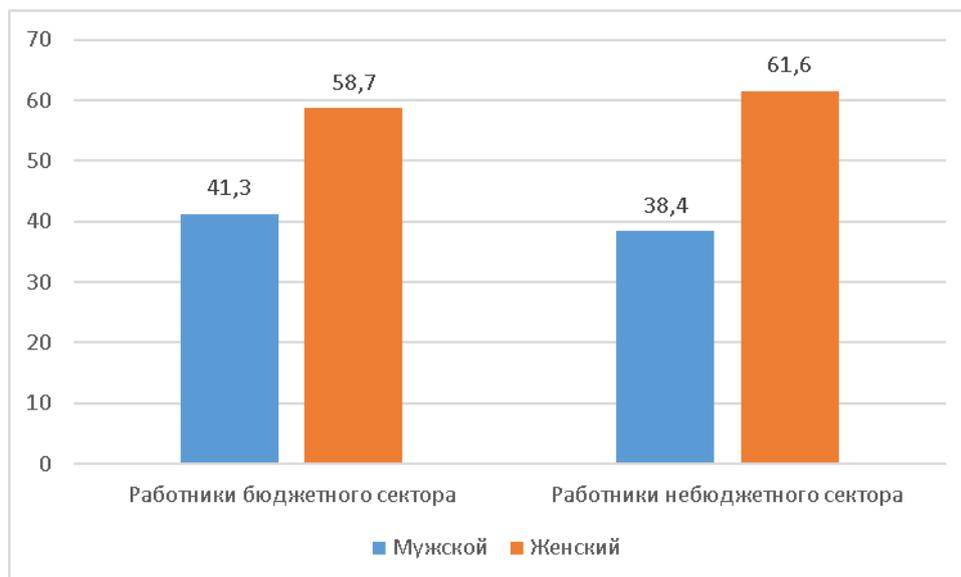

Рисунок 6 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по полу в разрезе секторов занятости, 2015 год, %

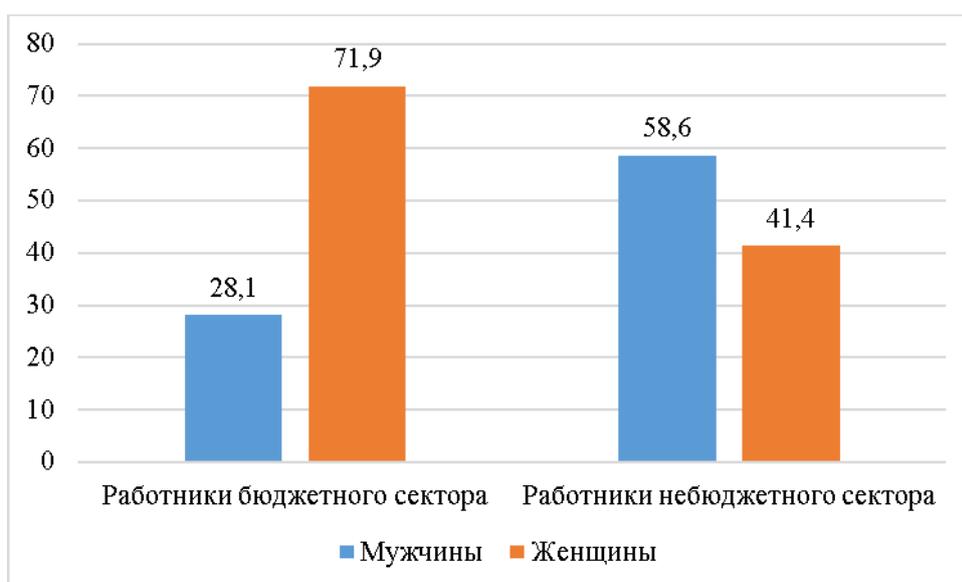

Рисунок 7 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по полу в разрезе секторов занятости, 2017 год, %

Стоит также отметить, что, если рассматривать соотношение работников мужского и женского пола в 2015 году, оно составляет, соответственно, 24,5% и 22,3%, а в небюджетном секторе, соответственно, 75,5% и 77,7%. Однако в 2017 году ситуация резко меняется. Наблюдается резкий отток мужчин из бюджетного сектора в небюджетный. Теперь их соотношение составляет уже 12,2% и 87,8% соответственно. В то же время доля

женщин в бюджетном секторе, по отношению к небюджетному возросла и составила 33,5% против 66,5% (Рисунки 8 и 9).

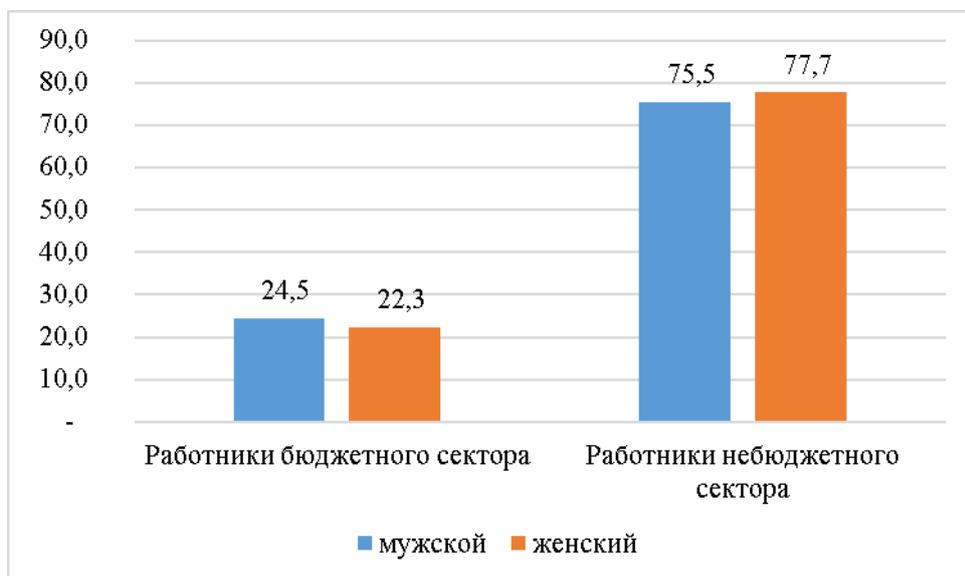

Рисунок 8 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по полу, 2015 год, %

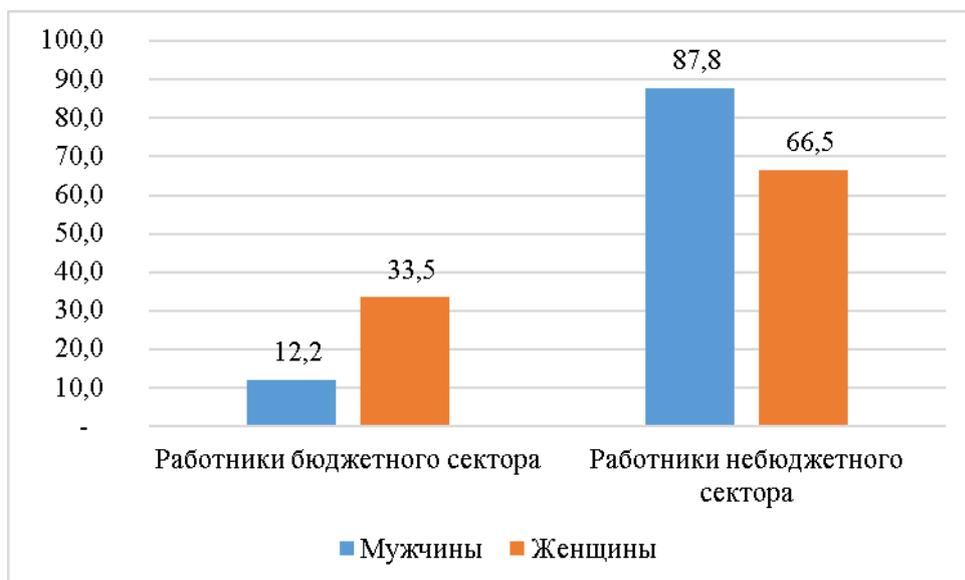

Рисунок 9 – Распределение работников бюджетного и небюджетного секторов экономики по полу, 2017 год, %

1.2 Уровень образования, профессионально-квалификационные группы и социально-профессиональный критерий средних классов

Очевидно, что образование является одним из важнейших социальных лифтов, позволяющих, во-первых, легче выходить на рынок труда, во-вторых, продвигаться по карьерной лестнице, что, в свою очередь, ведет к росту трудового дохода, влияет на стиль жизни и т.д. Кроме того люди, получившие высшее образование гораздо в течение своей трудовой карьеры учатся дополнительно, в первую очередь для совершенствования своих трудовых навыков, что также влияет на их рост и уровень жизни.

Именно поэтому первым из показателей, которые должны быть проанализированы в рамках сравнения социального положения работников бюджетного и небюджетного секторов это уровень образования, полученный респондентами.

В 2015 году, в соответствии с данными телефонного опроса ЧСО, не наблюдалось явных отличий в распределении уровней образования в разрезе бюджетного и небюджетного секторов экономики. Так, по 15-16% респондентов в каждом из секторов экономики получили образование в рамках общеобразовательной школы, начальное профессиональное образование имели, соответственно, 7,6% и 6,6%, еще чуть более трети получили среднее профессиональное образование, соответственно, 35,4% и 35,9% в бюджетном и небюджетном секторах. Наконец, высшее образование было у 42% опрошенных работников, в обоих рассмотренных секторах (Рисунок 10).

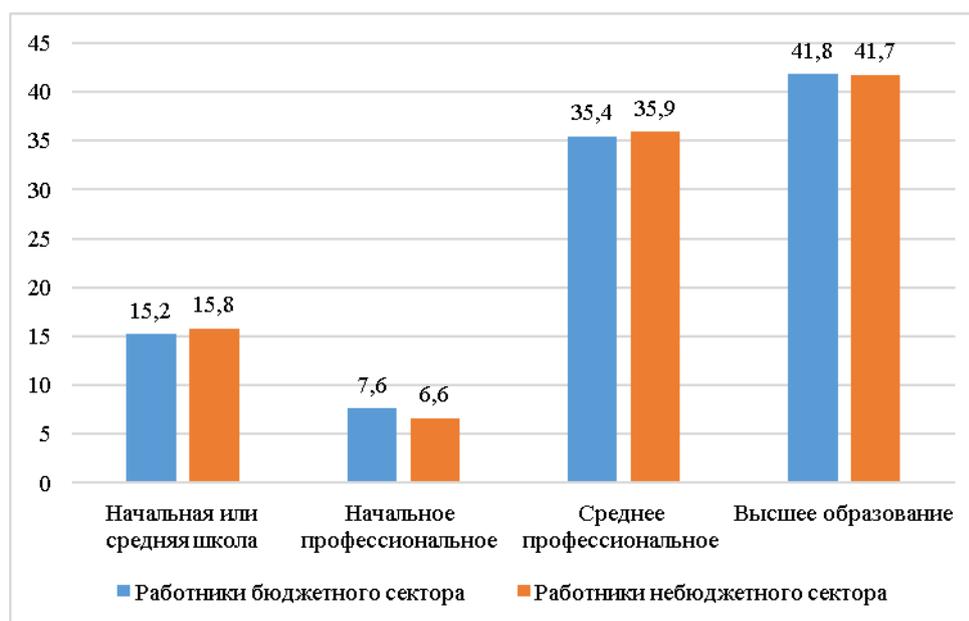

Рисунок 10 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, по уровню образования, 2015 год (ЧСО, телефонный опрос), %

В 2017 году ситуация достаточно сильно меняется. В первую очередь, обращает на себя внимание то, что резко сократилась доля тех респондентов, кто не получил высшего образования и остается занятым в государственном секторе экономики (до 8,5%), при этом среди работников небюджетного сектора доля немного выросла, но не так экстремально (до 17,6%). Также, снизилась доля людей с начальным профессиональным образованием (до 3,2% в бюджетном секторе, хотя в небюджетном она осталась на прошлом уровне). В то же время, доля опрошенных, получивших среднее и высшее профессиональное образование стала значительно выше. Так, в бюджетном секторе доля занятых с высшим образованием выше половины (50,3%), в небюджетном секторе увеличилась доля тех, кто имеет среднее профессиональное образование (до 39,9%), но, в то же время снизилась доля людей с высшим образованием (с 41,7% до 35,6%) (Рисунок 11).

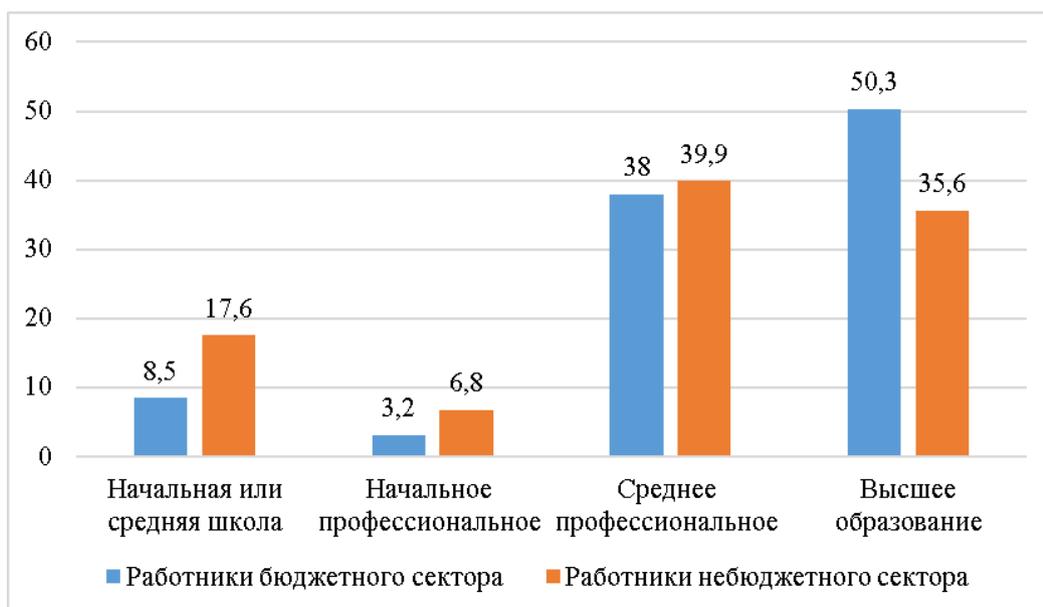

Рисунок 11 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, по уровню образования, 2017 год (ЧСО, телефонный опрос), %

В 2015 году распределение работников с высшим образованием по возрастным группам, достаточно сильно варьировалось в пределах бюджетного и небюджетного секторов экономики. В первую очередь, это касается младшей возрастной когорты, доля бюджетников была ниже, чем доля небюджетников (соответственно, 34,4% и 41,7%). Хотя уже в следующей возрастной когорте доля бюджетников превалирует (50,3% против 41,8%), причем, можно отметить, что в этой возрастной группе доля бюджетников с

высшим образованием наиболее высока. В группе работников небюджетного сектора наиболее высока доля тех, кто окончил высшие учебные учреждения в возрастной когорте 30-34 лет (56,6% против 47,9% в бюджетном секторе). В возрастах 35-54 лет доля занятых в бюджетном секторе выше на 3,3%-7,3%, хотя в более старших возрастах преобладают работники частного сектора, так в возрасте 65 лет и старше их 36,1% против 32,1% в бюджетном секторе. Помимо прочего, в обоих секторах экономики можно отметить, более низкие уровни образования в возрастах до 25 лет, а также старше 55 лет, что легко объяснить в первом случае тем, что часть занятых еще получают образование или планируют это сделать, а во втором случае тем, что во времена трудоустройства этой возрастной группы к образованию при трудоустройстве применялись несколько более низкие критерии, чем в настоящее время (Рисунок 12).

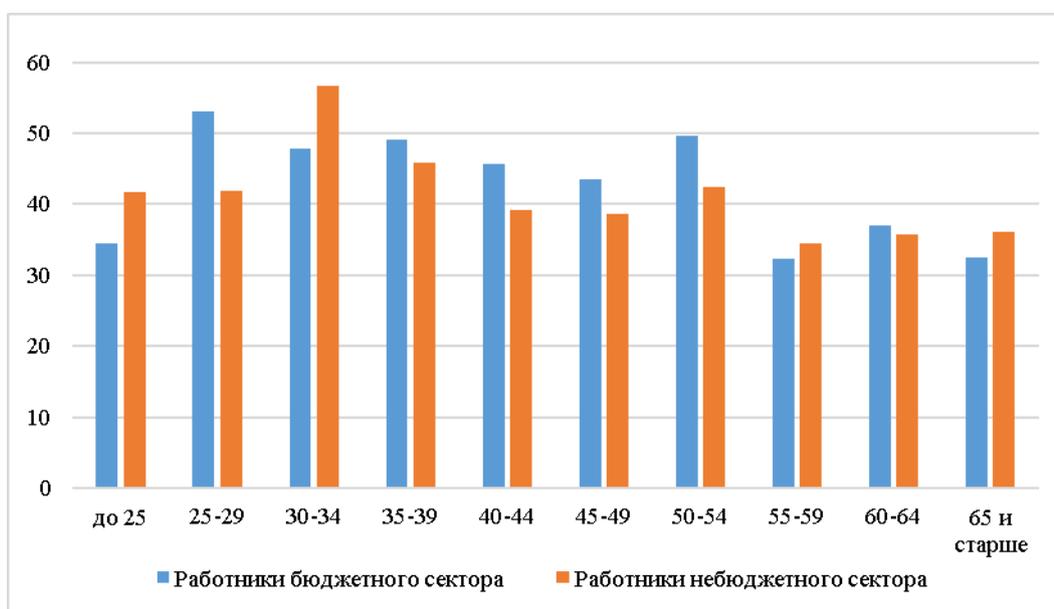

Рисунок 12 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, получивших высшее образование, по возрасту, 2015 год (ЧСО, телефонный опрос), %

В 2017 году, как было отмечено ранее, доля работников бюджетного сектора, получивших высшее образование, гораздо выше, чем в 2015 году и составляет чуть более половины опрошенных. Доля опрошенных с высшим образованием в данном секторе экономики имеет наименьшее значение в младшей возрастной когорте (35,4%) и растет почти в два раза уже в следующей группе (до 65%). В возрасте 30-34 лет она наиболее высока (69,2%), после чего начинает снижаться (до 37,5% в возрасте 55-59 лет). В то же

время, стоит отметить, что среди респондентов, сохранивших занятость в самых старших возрастах, также более половины имеют высшее образование.

В небюджетном секторе в 2017 году по отношению к 2015 наблюдается резкий отток занятых с высшим образованием из младшей возрастной когорты (до 25 лет) – с 41,7% до 28,8%. Основной пик работников с высшим образованием приходится на возраст 25-44 года (42,4-51,5%), то есть на наиболее производительный возраст в рамках рынка труда, а также на самую старшую возрастную группу (45,6%), что еще раз показывает, что в посткризисный период среди респондентов, которые смогли остаться на рынке труда стали более востребованы те, кто имеет более высокий уровень образования и, в первую очередь, это касается работников бюджетного сектора (Рисунок 13).

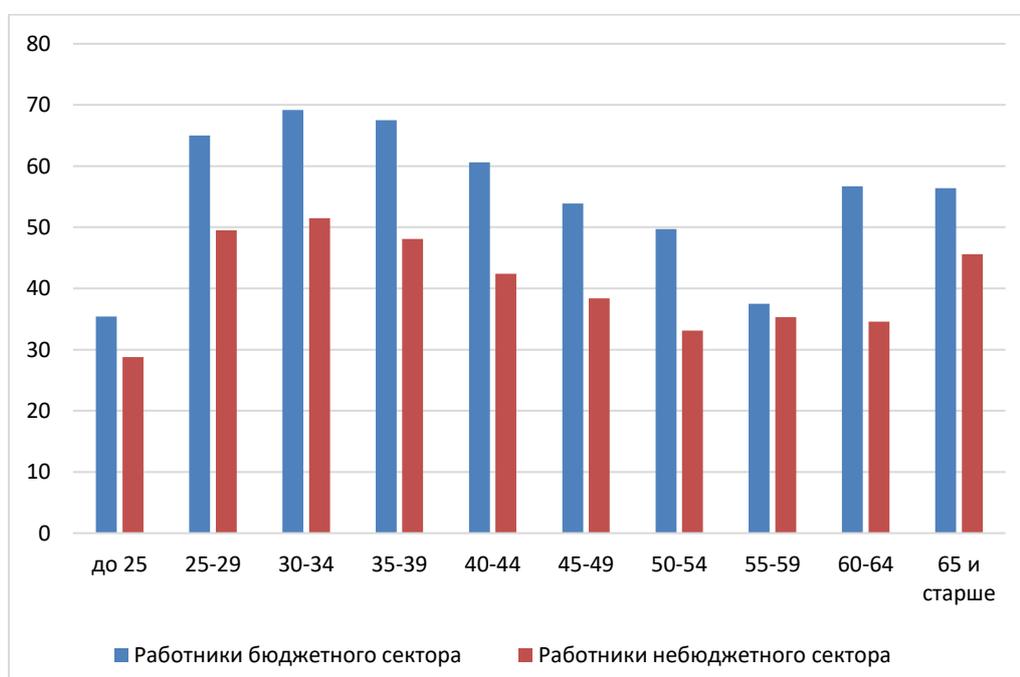

Рисунок 13 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, получивших высшее образование, по возрасту, 2015 год (ЧСО, телефонный опрос), %

В разрезе населенных пунктов в 2015 году наивысшие доли бюджетников, имеющих высшее образование, наблюдались в городах с населением 500 тыс.-1 млн. жителей (58,8%), а также с более, чем 1 млн. жителей (56,5%). В городах с населением от 50 до 500 тыс. жителей доля варьируется в пределах 41,4-47,3%, а в меньших населенных пунктах она резко снижается. Так, в городах, где проживает менее 50 тыс. человек, высшее образование имеют только 27,2% работников бюджетного сектора, в поселках городского типа 25,3%, а в сельской местности 25,9%. Интересно отметить, что в небюджетном

секторе экономики доля тех, кто имеет высшее образование, также выше всего в крупных городах и превышает половину занятого в секторе населения, хотя в поселках городского типа и сельской местности их доли резко снижаются и составляют, соответственно, 31,4% и 23,7% (Рисунок 14).

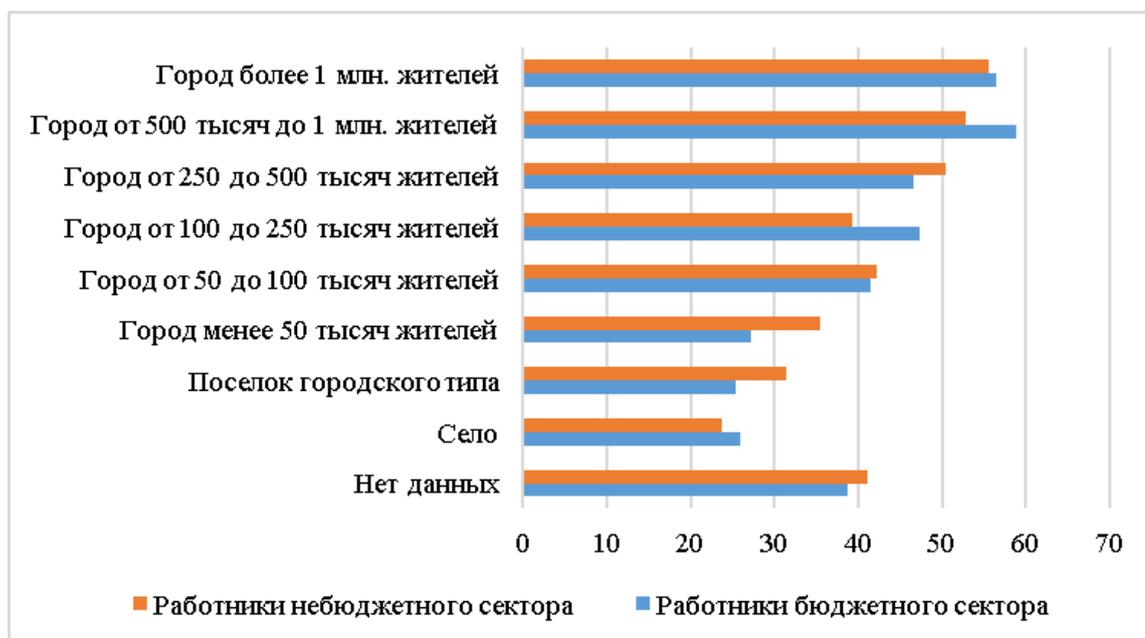

Рисунок 14 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, получивших высшее образование, по типу населенного пункта, 2015 год (ЧСО, телефонный опрос), %

В 2017 году видно, что выросла не только доля работников бюджетного сектора с высшим образованием, но и что произошло еще большее смещение в сторону крупных городов. Более того, с уменьшением населенного пункта снижается и доля занятых с высшим образованием. Если в городах с 500 тыс. человек и выше она составляет 71-72%, то в поселках городского типа снижается уже до 40,6%, хотя в сельской местности она несколько выше и составляет 44,7%. Похожая ситуация наблюдается и среди работников небюджетного сектора. Наивысшая доля занятых, получивших высшее образование, приходится на города с более чем миллионом жителей (57,5%), в городах, где проживает 250-500 тыс. человек к этой категории относятся 51,4% респондентов. В остальных крупных и средних городах доля варьируется в пределах 41-47%. В то же время, в городах с населением менее 50 тыс. жителей и в поселках городского типа уже менее трети работников негосударственного сектора имеют высшее образование, а в сельской местности их только четвертая часть (Рисунок 15).

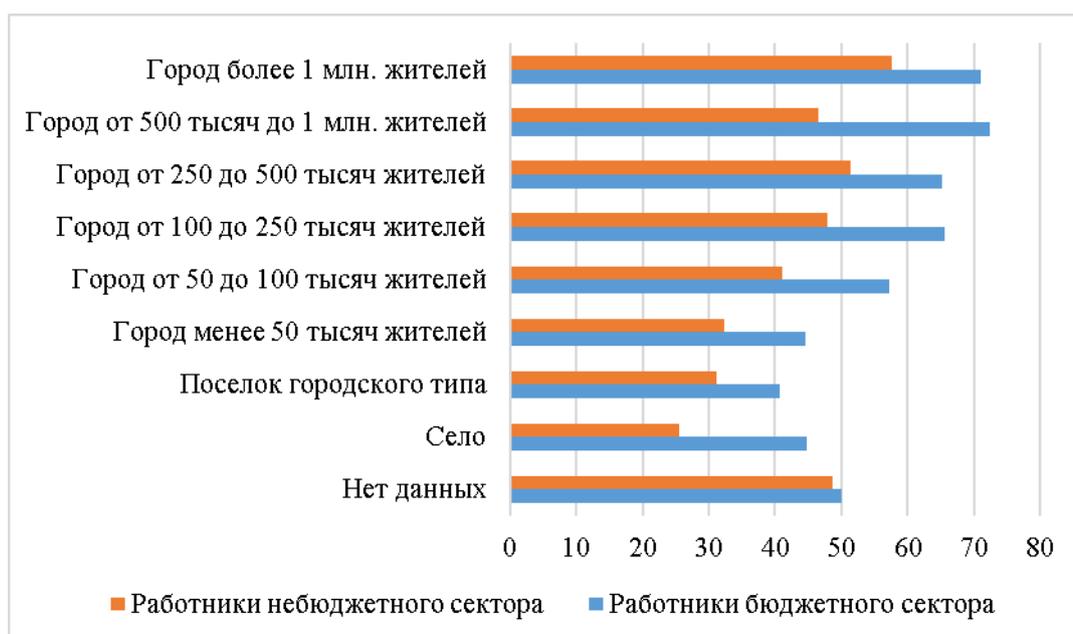

Рисунок 15 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, получивших высшее образование, по типу населенного пункта, 2017 год (ЧСО, телефонный опрос), %

Телефонный опрос 2015 года не выявил значимых различий между занятостью мужчин и женщин, имеющих высшее образование, в разрезе секторов занятости. Доля как мужчин, так и женщин держалась на уровне 41-42% (Рисунок 16).

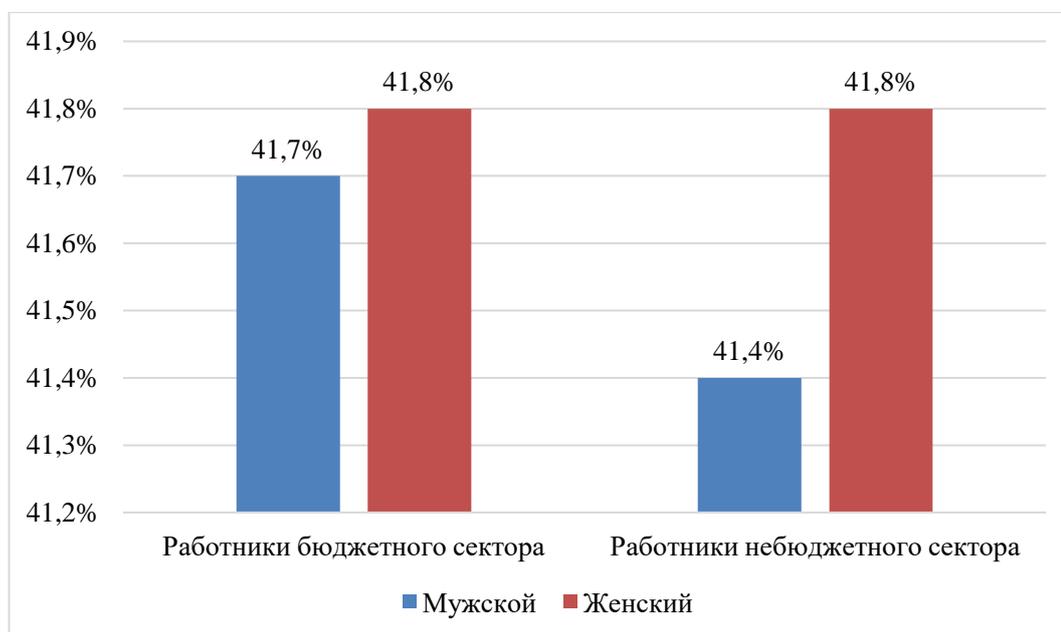

Рисунок 16 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, получивших высшее образование, по полу, 2015 год (ЧСО, телефонный опрос), %

Доля мужчин и женщин в бюджетном секторе, получивших высшее образование, значительно выросла в 2017 году (до, соответственно, 54,5% и 57,1%. В то же время доля работников небюджетного сектора среди мужчин снизилась до 39,5%, среди женщин по отношению к 2015 году выросла до 45,5%. Тем не менее, уровень образования в бюджетном секторе в 2017 году гораздо ниже, чем в небюджетном (Рисунок 17).

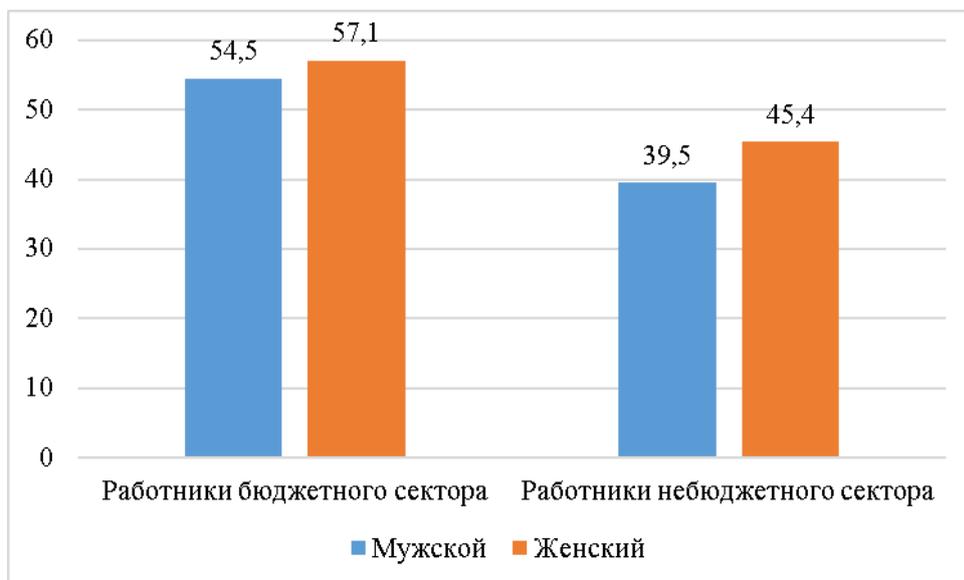

Рисунок 17 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном и небюджетном секторах, получивших высшее образование, по полу, 2017 год (ЧСО, телефонный опрос), %

Поскольку социально-профессиональный критерий среднего класса строится на основании двух основных переменных, а именно уровня образования и принадлежности к той или иной профессионально-квалификационной группе, в данной главе нельзя не рассмотреть деление работников бюджетного и небюджетного секторов на профессиональные группы. Однако инструментарий обследования не позволяет слишком сильно углубляться в вопросы занятости именно в разрезе этих двух секторов, представляется наиболее логичным проанализировать изменения в профессиональных группах перед тем как перейти к рассмотрению показателя среднего класса по социально-профессиональному критерию.

Распределение профессионально-квалификационных групп в обоих секторах достаточно сильно разнится в рамках двух волн обследования. В отношении работников бюджетного сектора в первую очередь стоит отметить резкое снижение доли руководящего состава, и значительный прирост долей специалистов высшего и среднего

уровней квалификации. Помимо этого, можно отметить значительное снижение доли квалифицированных рабочих (Рисунок 18).

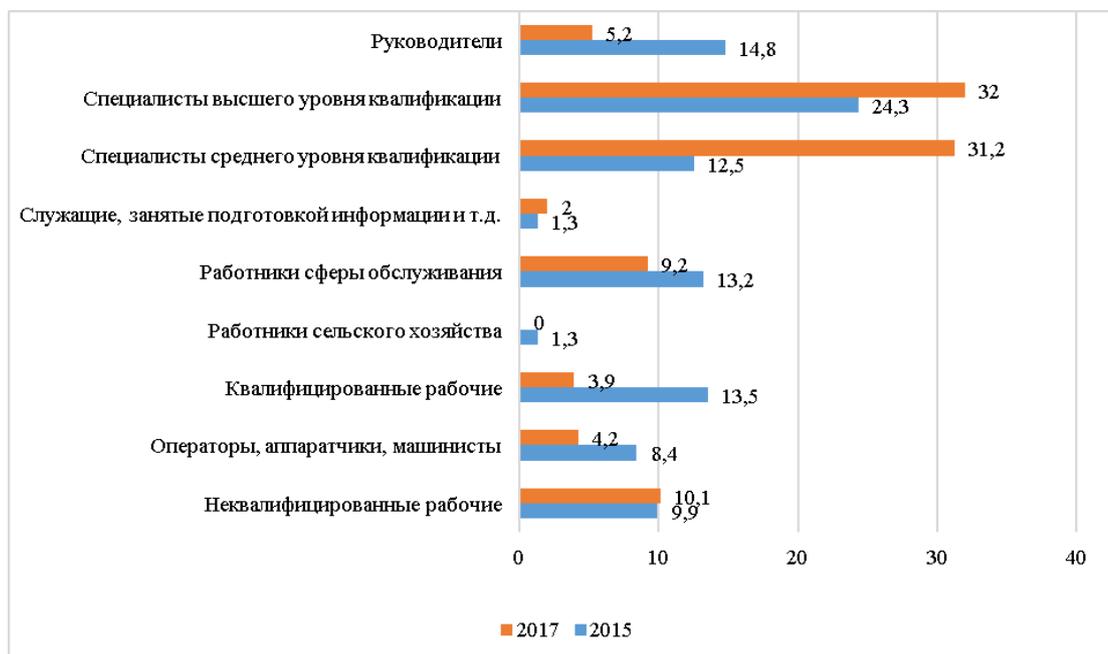

Рисунок 18 – Распределение респондентов, занятых в бюджетном секторе экономики по профессионально-квалификационным группам, 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Среди работников небюджетного сектора также наблюдается снижение доля руководителей, но в то же время с 25,2% до 17,9% снижается и доля работников высшего уровня квалификации. То есть можно предположить, что кризисный период в небюджетном секторе в первую очередь коснулся именно этих профессиональных категорий. В то же время, доля квалифицированных рабочих резко выросла (с 14,1% до 20,7%), и случился приток кадров в профессионально-квалификационную группу аппаратчиков, машинистов и т.д., их доля выросла с 9,5% до 14,6% (Рисунок 19).

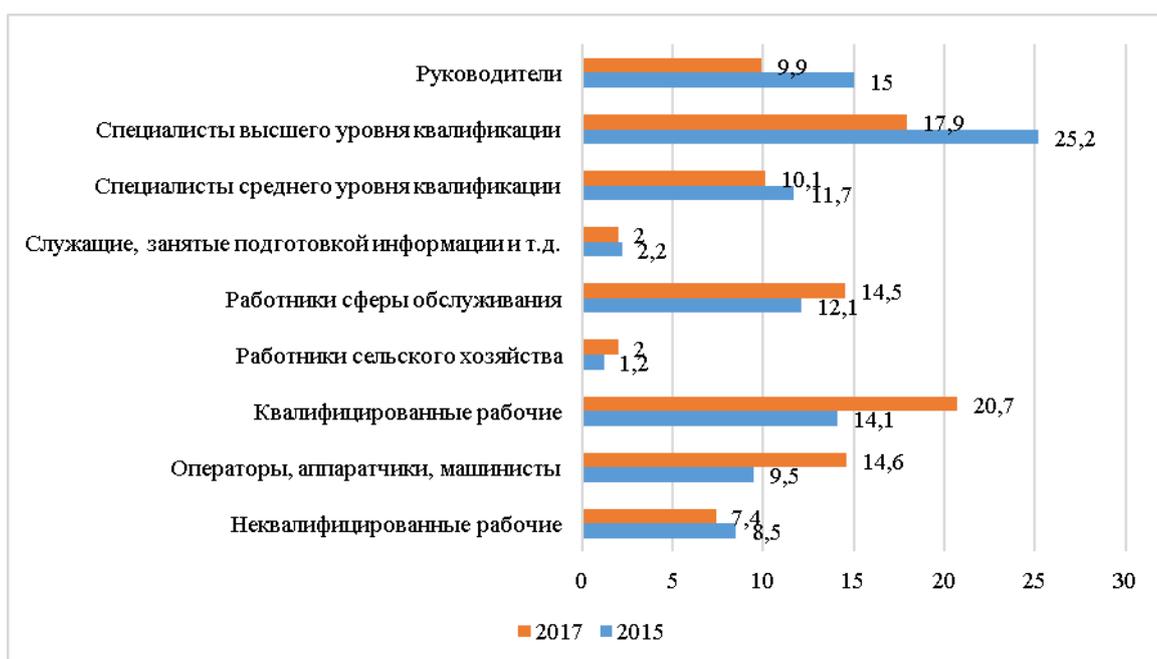

Рисунок 19 – Распределение респондентов, занятых в небюджетном секторе экономики по профессионально-квалификационным группам, 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

1.3 Субъективные оценки социального положения и субъективный критерий вхождения в средний класс

Для оценки субъективных оценок социального положения работников сопоставим ответы на базовые вопросы, касающиеся трех основных критериев:

- Уровень бедности/богатства;
- Уровень бесправия/власти;
- Уровень уважения.

Распределение ответов на них представлены ниже.

В отношении того, как респонденты оценивают свой уровень бедности или богатства, можно отметить, что по результатам обеих волн наблюдается некоторая закономерность распределения ответов. Доля тех, кто оценил свое положение как самое бедное практически не различается за рассматриваемый период. Так первую ступень выбирали 9% работников бюджетного сектора в 2015 году и 8% в 2017, вторую, около 9% в каждой из волн. Стоит отметить, что в 2015 году пик ответов пришелся на пятую ступень (25,6%), а в 2017 году на четвертую (25,5%). То есть видно некое смещение субъективных оценок в сторону бедности. Причем доли тех, кто считает, что находится на шестой ступени и выше практически одинаковы в 2015 и 2017 гг. Также можно отметить и общий для обеих волн тренд, когда опрошенные реже относили себя к категориям самых бедных

или самых богатых, а пик ответов при распределении приходится на третью-пятую ступени (Рисунок 20).

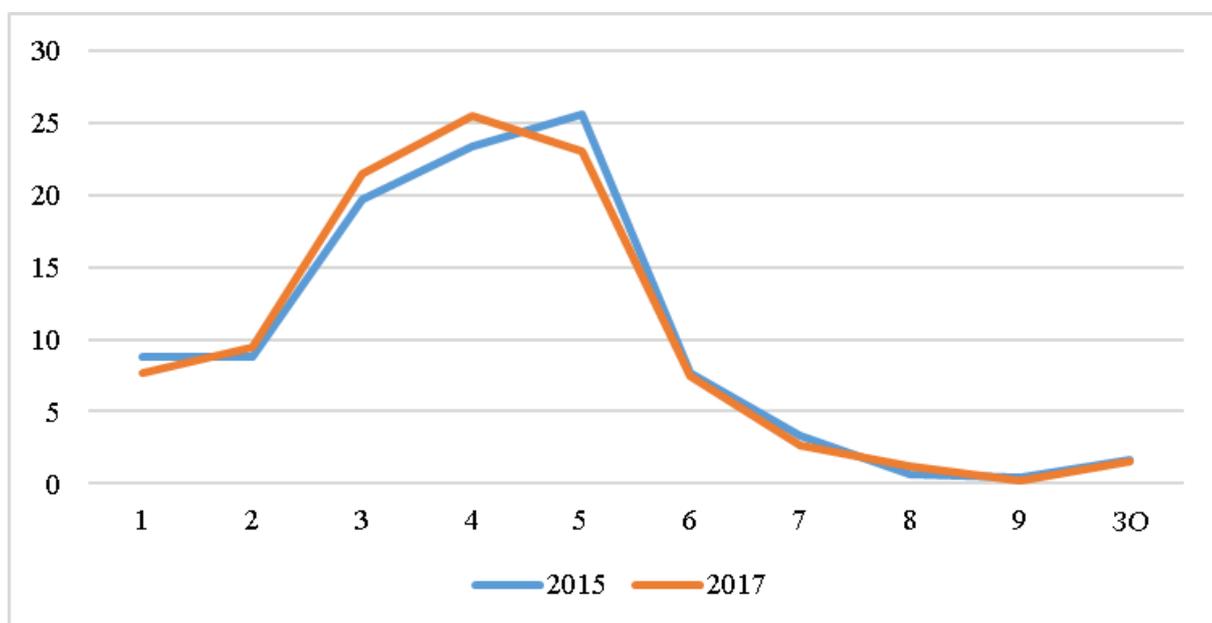

Рисунок 20 – Распределение ответов работников бюджетного сектора на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бедные, а на высшей – самые богатые. На какой ступени стоите вы?», 2015 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Среди сотрудников небюджетного сектора наблюдается похожая ситуация, и оценки в 2015 и 2017 гг. различаются незначительно. Так, самыми бедными себя считают, соответственно 8 и 7% опрошенных, далее доли растут, но, в отличии от ситуации с бюджетниками, в 2017 году пик ответивших на вопрос в 2014 году приходится на четвертую ступень, а в 2015 году на пятую. Таким образом, можно говорить о том, что работники бюджетного сектора стали несколько более негативно оценивать свой уровень финансового положения, а работники небюджетного сектора, напротив, чуть более позитивно (Рисунок 21).

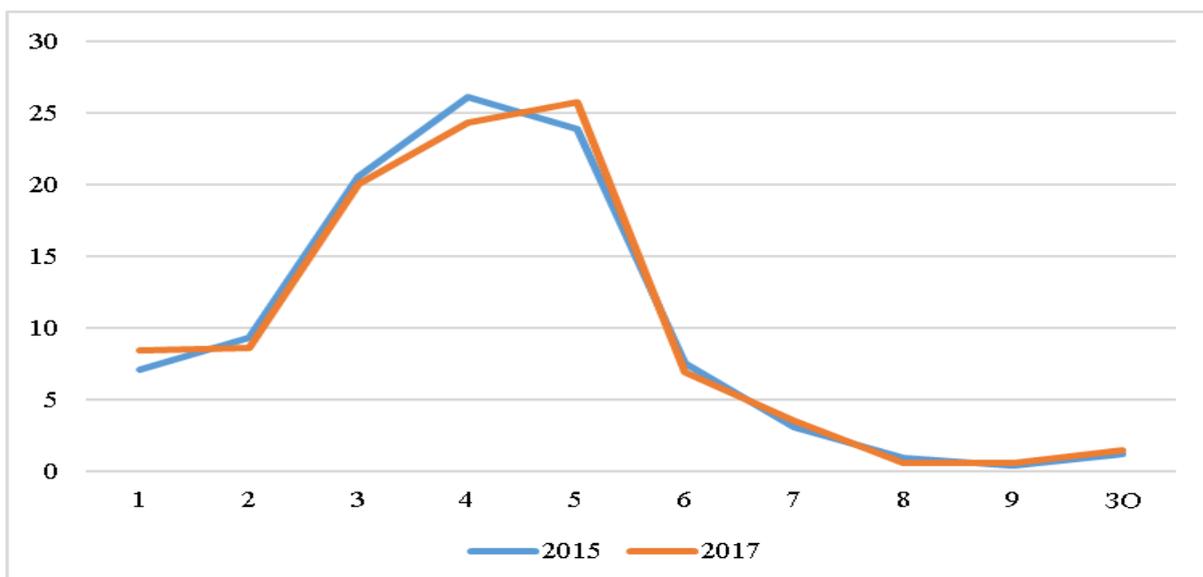

Рисунок 21 – Распределение ответов работников небюджетного сектора на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бедные, а на высшей – самые богатые. На какой ступени стоите вы?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Из рисунка 22 можно заметить, что последствия экономического спада не сильно повлияли на оценки респондентами, занятыми в бюджетном секторе их уровня власти в обществе. К самым бесправным себя причислили 17% работников в 2015 году и 16% в 2017. На вторую ступень себя поставили гораздо меньшие доли респондентов (по 12%). Чаще всего респонденты отмечали, что находятся на 3-5 ступени по шкале власти. Их доля в рамках обеих волн составляет 18-20, после чего значение показателя снижается. Можно отметить более низкую долю бюджетников, поместивших себя на шестую ступень в 2015 году (5,3% против 7,1% в 2017 году).

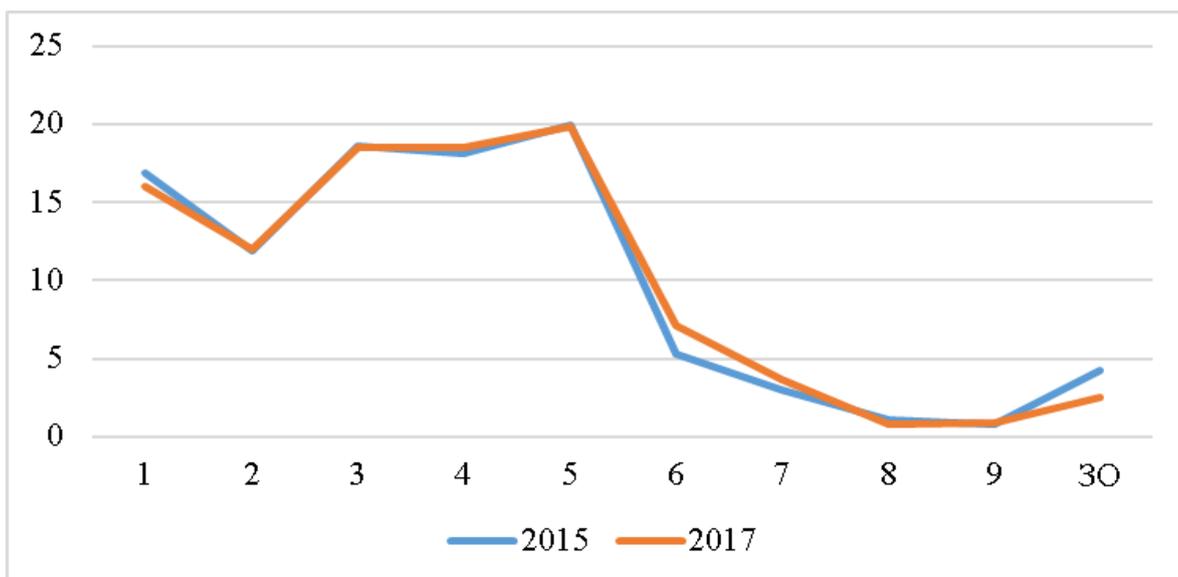

Рисунок 22 – Распределение ответов работников бюджетного сектора на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бесправные, а на высшей – имеющие самую большую власть. На какой ступени стоите вы?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Среди занятых в небюджетном секторе распределение несколько менее равномерное, в первую очередь, это касается тех, кто посчитал, что их уровень власти находится на низком уровне (в 2017 году на вторую ступень себя поставили на 2,6% больше опрошенных, чем в 2015 году, на третью ступень – на 1% больше, хотя в целом различия между двумя волнами незначительно. В основном, как и в случае с бюджетниками, эти респонденты склонны причислять себя к 3-5 ступеням по шкале наличия власти (Рисунок 23).

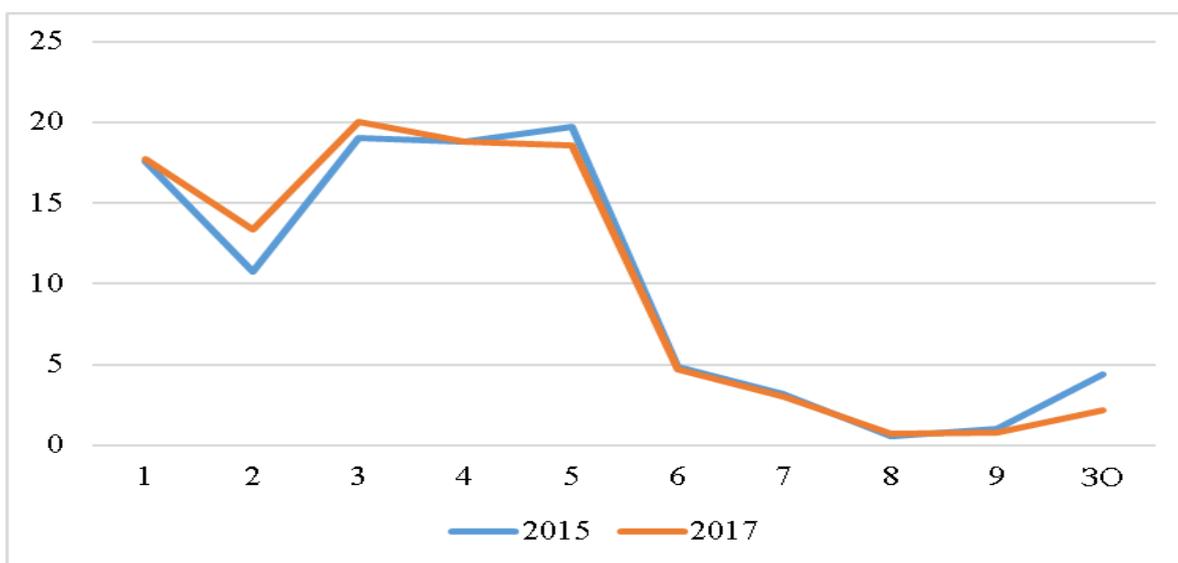

Рисунок 23 – Распределение ответов работников небюджетного сектора на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бесправные, а на высшей – имеющие самую большую власть. На какой ступени стоите вы?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Как и в случае с оценками богатства и власти в оценках уровня уважения работниками бюджетного сектора между двумя волнами не наблюдается сильного различия. Хотя можно отметить, что до пятой ступени различия находятся в пределах 1%, но в 2017 году респонденты чаще отмечали шестую ступень и выше. При этом чаще всего (в четвертой части случаев) опрошенные бюджетники помещали себя на серединную пятую ступень (Рисунок 24).

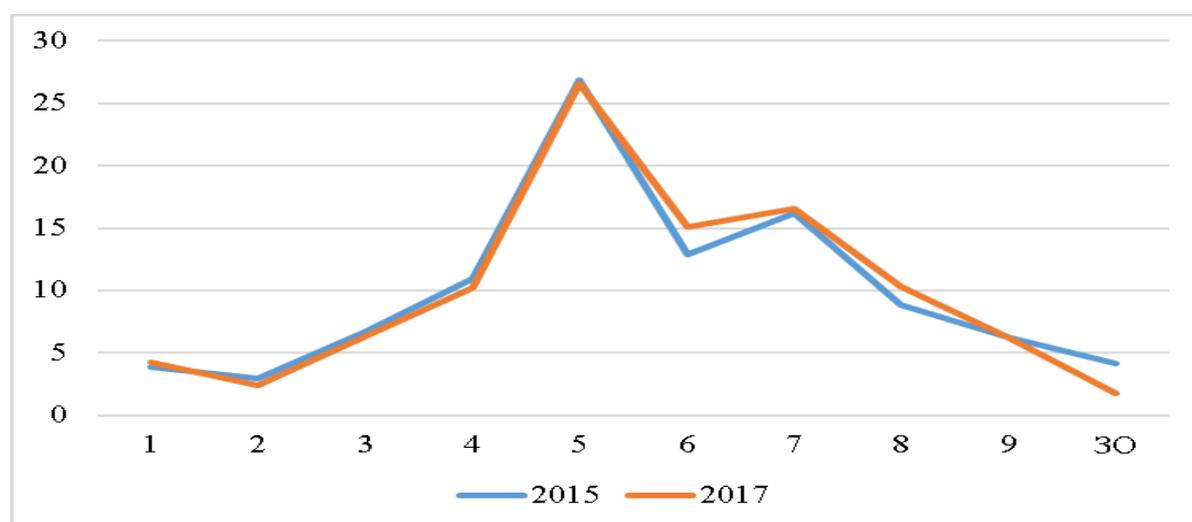

Рисунок 24 – Распределение ответов занятым в бюджетном на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят те, кого совсем не уважают, а на высшей – самые уважаемые. На какой ступени стоите вы?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

Среди работников небюджетного сектора, ответивших на вопрос об их месте на шкале уважения, также не наблюдается значительных различий в оценках по данным 2015 и 2017 годов. На первую ступень себя поместили, соответственно, 3,3% и 3,6% в первую и вторую волны, на третью, соответственно, 6,2% и 7,5%. На пятую (которая является наиболее часто выбираемой) 28,1% и 26,5% соответственно. Доля тех, кто посчитал, что их уровень уважения в обществе находится на шестой или седьмой ступени выше в 2017 году, на восьмой и девятой ступени – в 2015 (рисунок 25).

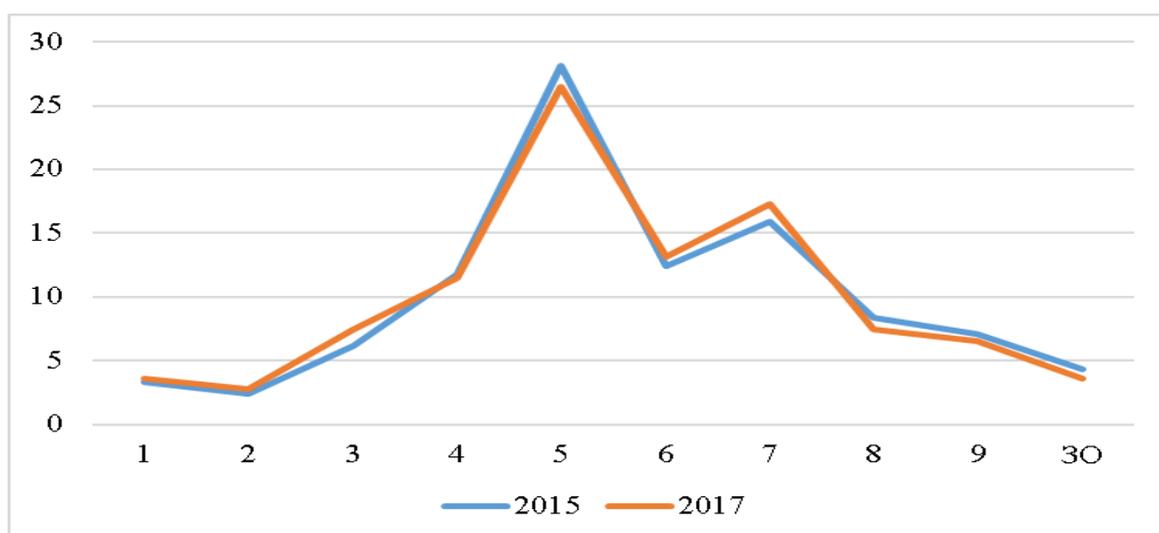

Рисунок 25 – Распределение ответов занятым в бюджетном на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на нижней ступени которой стоят те, кого совсем не уважают, а на высшей – самые уважаемые. На какой ступени стоите вы?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

По трем вопросам, на основании которых строится субъективный критерий среднего класса наблюдается больше различий как в бюджетном, так и небюджетном секторах экономики в разрезе двух волн Обследования.

В первую очередь на вопрос о том, насколько в течение ближайших пяти лет изменится их финансовое положение, о том, что оно улучшится, говорило гораздо большее количество занятых в бюджетном секторе в 2015 году, чем в 2017 (соответственно, 35,7% против 24,4%) и, напротив, если в 2015 году только каждый пятый думал, что ситуация ухудшится, то в 2017 году доля выросла уже до 27,9%. Наконец, о том, что ситуация останется без изменений заявило на 8% больше респондентов-бюджетников в рамках второй рассматриваемой волны, чем во время первой (рисунок 26).

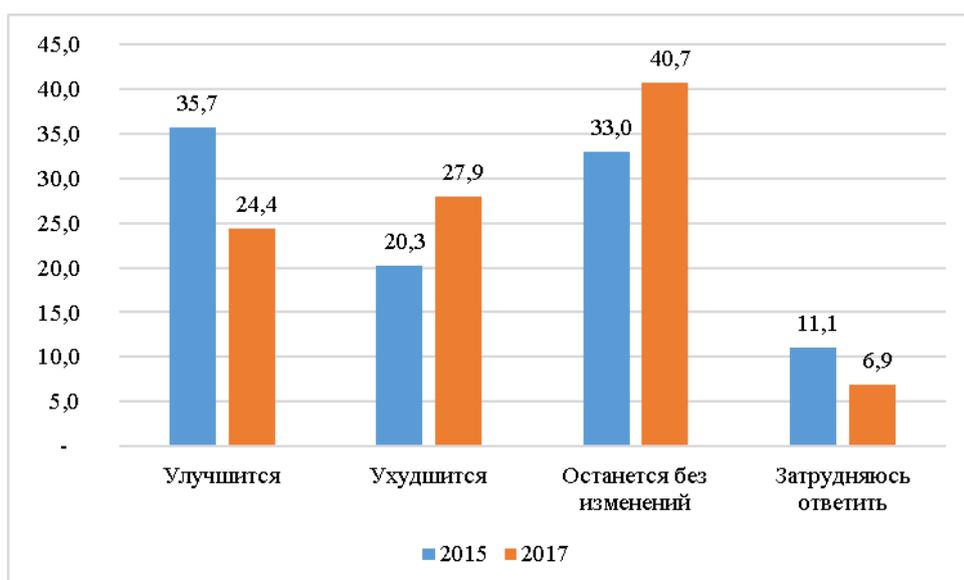

Рисунок 26 – Распределение ответов работников бюджетного сектора на вопрос «Как изменится, в ближайшие 5 лет ваше финансовое положение», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

В целом работники небюджетного сектора склонны несколько более позитивно оценивать изменения своего финансового положения в ближайшие годы. Так, в 2015 году 37,3% из них считали, что оно улучшится (против 35,7% работников бюджетного сектора), а в 2017 году, соответственно, 33,3% и 24,4%. В то же время об ухудшении ситуации в 2015 году говорила меньшая доля занятых в небюджетном секторе (соответственно, 18,3% против 20,3%).

Помимо этого, в группе работников небюджетного сектора, доля тех, кто считает, что финансовое положение улучшится снизилась с 37,3% в 2015 году до 33,3% в 2017. Напротив, о возможном ухудшении ситуации говорили на 3,6% меньше опрошенных, занятых в небюджетном секторе в рамках опроса 2017 года, чем 2015. О том, что ситуация скорее всего не изменится заявило на 2% респондентов больше во время второй из рассматриваемых волн обследования (рисунок 27).

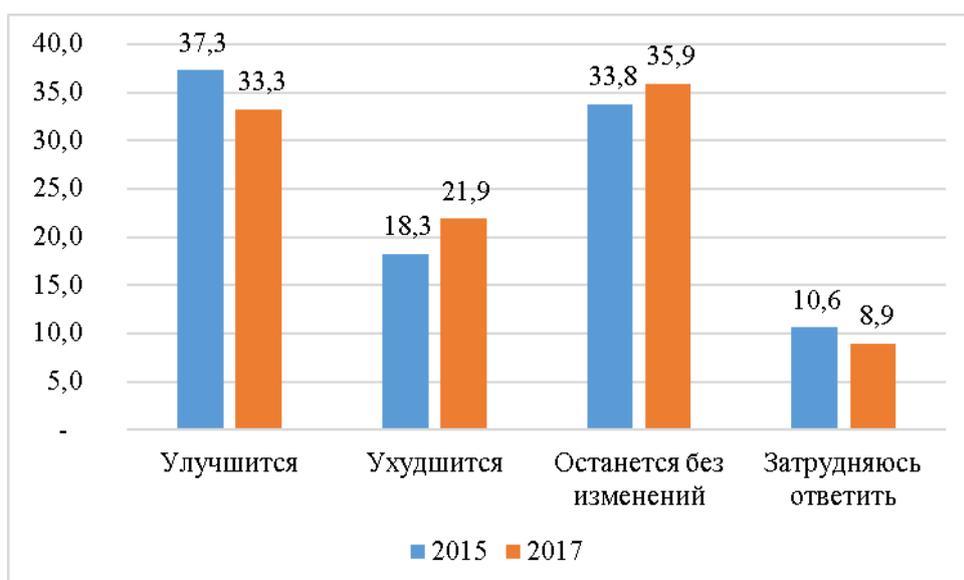

Рисунок 27 – Распределение ответов работников небюджетного сектора на вопрос «Как изменится, в ближайшие 5 лет ваше финансовое положение», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

В обеих волнах ЧСО абсолютное большинство работников бюджетного сектора склонны считать, что их жилищные условия в ближайшие годы останутся без изменений, однако в 2017 году их доля выросла с 62,4% до 70,9%. Доли тех, кто думает, что они ухудшатся невысоки, но опять, в 2017 году так считает в полтора раза больше респондентов, занятых в бюджетном секторе (5,3% против 3,8%). Наконец, на улучшение ситуации надеется каждый пятый опрошенный бюджетник в 2017 году (21,1%) и чуть менее трети в 2015 (30,1%) (рисунок 28).

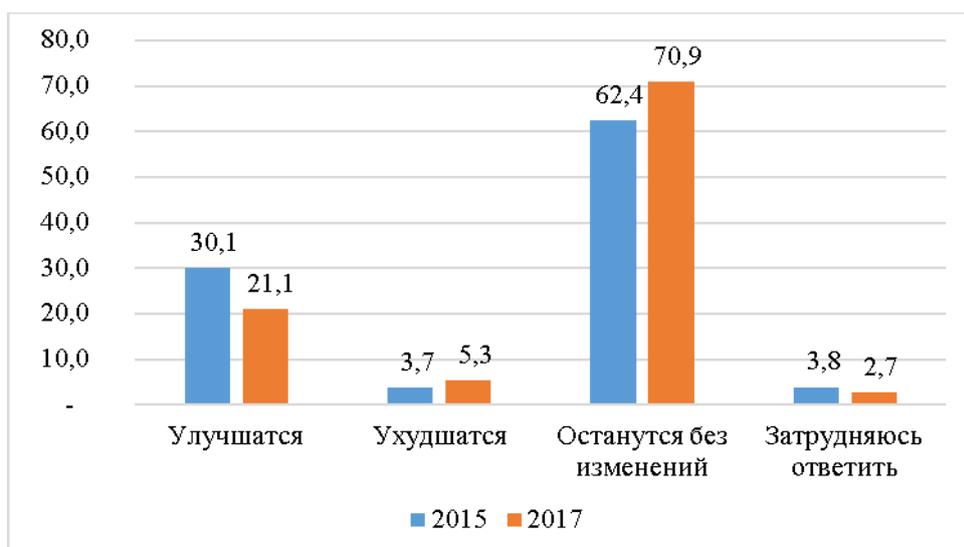

Рисунок 28 – Распределение ответов работников бюджетного сектора на вопрос «Как вы полагаете, в ближайшие 5 лет ваши жилищные условия улучшатся, ухудшатся или останутся без изменений?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

В отличие от работников бюджетного сектора, в небюджетном оценки изменений в жилищных условиях в ближайшие пять лет в 2015 и 2017 году варьируются незначительно. При этом можно отметить, что, если в 2015 году практически одинаковые доли занятых в обоих секторах экономики говорили о том, что они улучшатся, то в 2017 году среди небюджетников доля осталась на прежнем уровне, а среди бюджетников снизилась на 9%. Об ухудшении жилищных условий в 2017 году думали 4,4% опрошенных из небюджетного сектора и 5,3% из бюджетного. Доля тех небюджетников, кто говорил об отсутствии изменений практически не изменилась (соответственно 61,9% в 2015 году и 61,4% в 2017) (рисунок 29).

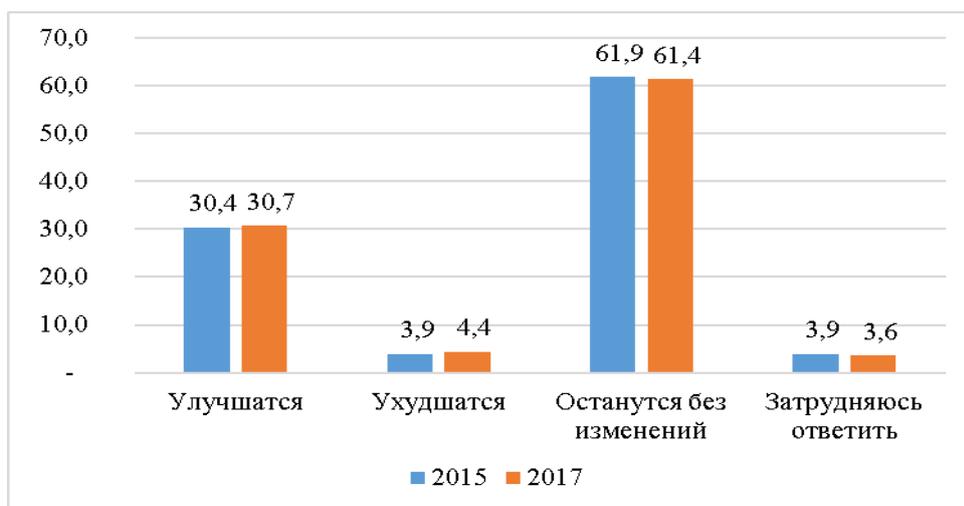

Рисунок 29 – Распределение ответов работников небюджетного сектора на вопрос «Как вы полагаете, в ближайшие 5 лет ваши жилищные условия улучшатся, ухудшатся или останутся без изменений?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

В отношении оценок работников бюджетного сектора перспектив развития их карьеры, можно заметить, что они значительно изменились за период 2015-2017 гг. Также, как и в отношении предыдущих двух оценок, в 2017 году бюджетники оказались гораздо более пессимистичны, нежели в 2015 году. О том, что ситуация улучшится, заявлял каждый третий опрошенный, занятый в данном секторе экономики (34,3%) в 2015 году и только 22% в 2017. Доля тех, кто думает об ухудшении положения, в разрезе двух волн различаются не так значительно, причем в 2017 году она несколько снизилась (соответственно, 9,1% и 8,4%). В то же время субъективная оценка того, что ситуация в отношении карьеры не изменится, значительно выше в 2017 году (62,8 против 47 в 2015 году) (рисунок 30).

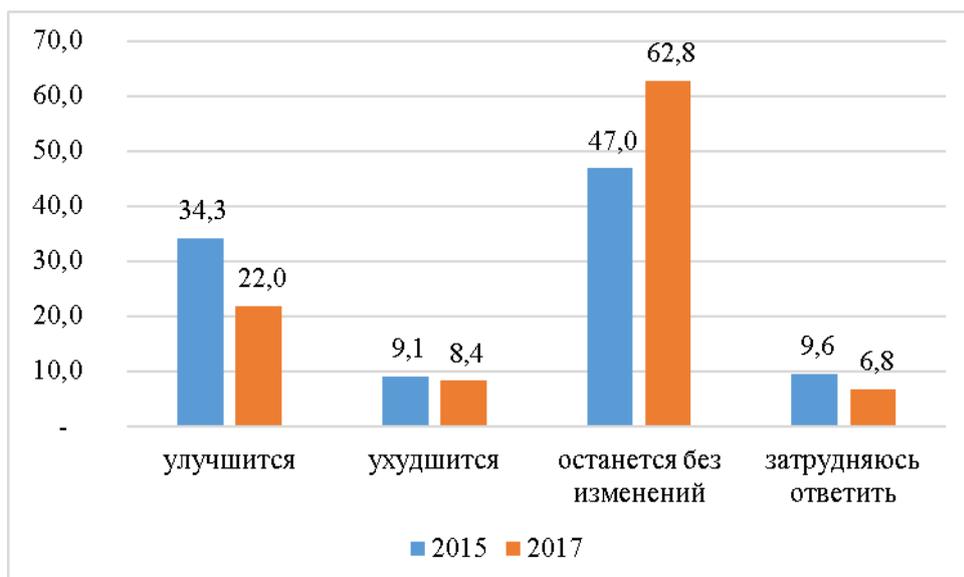

Рисунок 30 – Распределение ответов работников бюджетного сектора на вопрос «Как вы полагаете, в ближайшие 5 лет ваша карьера улучшится, ухудшится или останется без изменений?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

В 2015 году доля респондентов, занятых в небюджетном секторе экономики, которые считали, что их карьерное положение в ближайшие пять лет улучшится составляла 36,4% и снизилась к 2017 году до 32,9%. Тем не менее оба показателя выше, чем среди работников бюджетного сектора. В целом можно говорить о том, что небюджетники более позитивно оценивают свои карьерные перспективы. Так, о том, что они ухудшатся в обеих волнах Обследования заявляли меньшие доли респондентов, чем в бюджетном секторе, причем разница в долях небюджетников, отметивших этот вариант ответа в 2015 и 2017 гг. различается менее, чем на 1%, тех, кто думает, что ситуация не изменится – на 2% (рисунок 31).

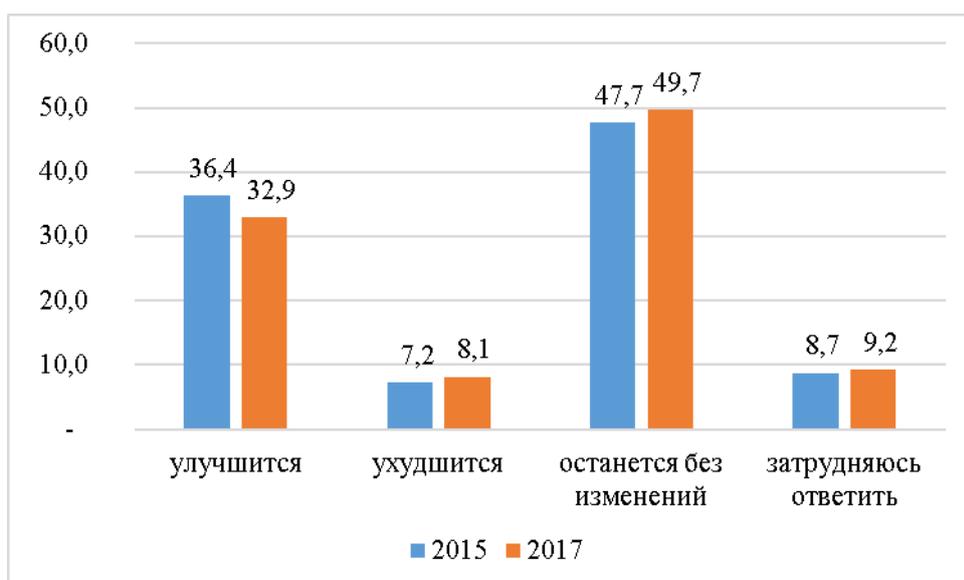

Рисунок 31 – Распределение ответов работников небюджетного сектора на вопрос «Как вы полагаете, в ближайшие 5 лет ваша карьера улучшится, ухудшится или останется без изменений?», 2015-2017 год, (ЧСО, телефонный опрос), %

1.4 Доля представителей среднего класса среди занятых в бюджетном и небюджетном секторах

В данном разделе будут рассмотрены три основных критерия средних классов – материально-имущественный, социально-профессиональный и субъективный в разрезе бюджетного и небюджетного секторов экономики на основании опросов ЧСО 2015 и 2017 годов.

Социально-профессиональный критерий вхождения в средние классы строится на уровне образования и профессионально-квалификационном статусе респондентов. Как уже отмечалось ранее, доля работников в каждом из секторов экономики по отношению ко всему опрошенному нами населению снизилась, таким образом, заняты остались россияне с более высоким уровнем образования. За счет роста доли работников среднего уровня квалификации, доля среднего класса среди работников бюджетного сектора по социально-профессиональному критерию снизилась с 54,5% до 42,8%. В небюджетном секторе также наблюдается снижение, хотя оно и не столь высоко (с 41,1% в 2015 году до 35% в 2017) (рисунок 32).

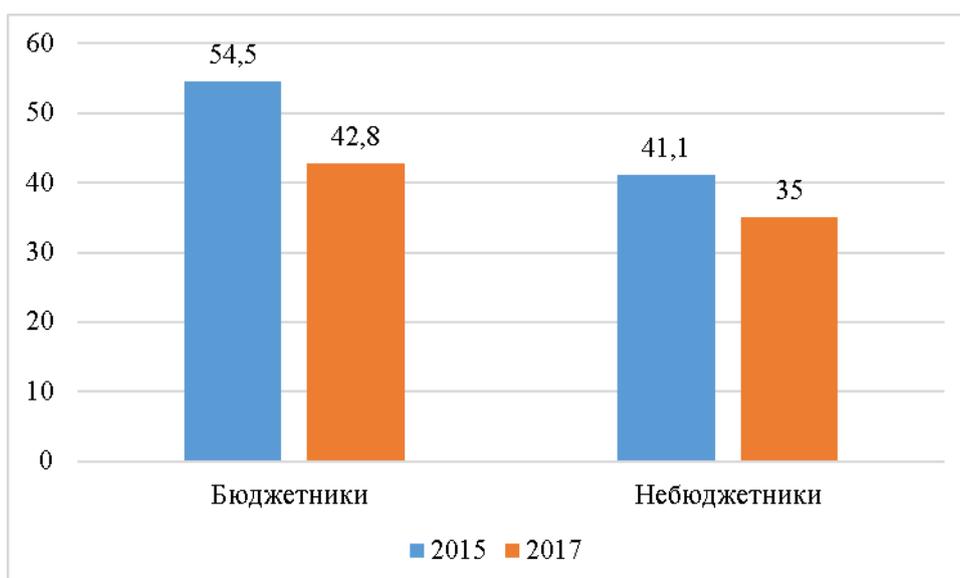

Рисунок 32 – Изменение динамики вхождения работников бюджетного и небюджетного секторов экономики в средний класс по социально-профессиональному критерию за период 2015-2017 гг., %

Расчет материально-имущественного критерия основан на наличии (и количестве) у респондентов денежных доходов, сбережений, движимого и недвижимого имущества, причем критерии включения в средний класс подвижны и постоянно пересматриваются (относительный подход). В 2015 году доля тех, кто попал в категорию средних классов в числе работников бюджетного сектора составляла 34,1%, а в 2017 году она снизилась до 28%. Доля опрошенных, занятых в небюджетном секторе, причисленных к среднему классу, выше в обеих волнах обследования, однако к 2017 году она также снижается (с 41,8% в 2015 году до 35,9% в 2017 году) (рисунок 33).

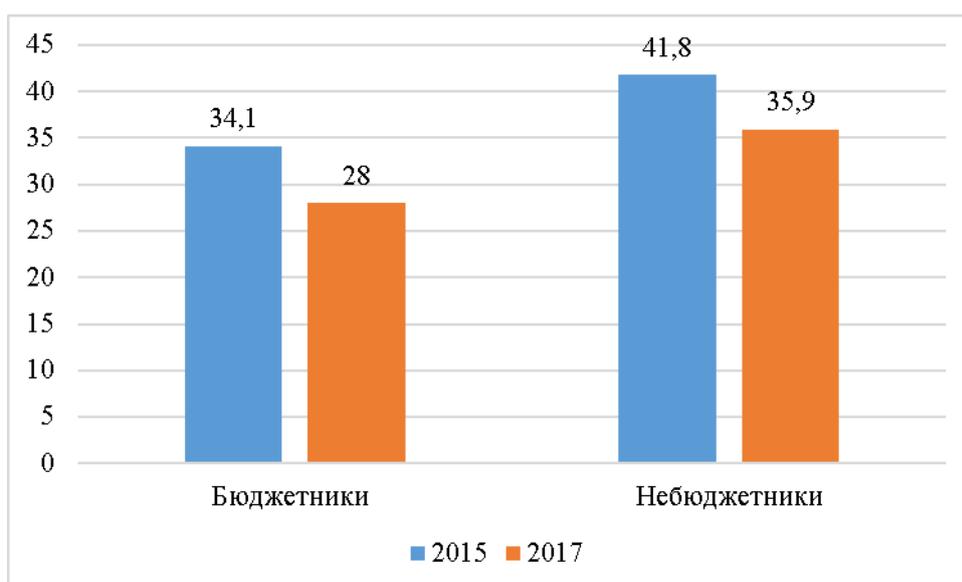

Рисунок 33 – Изменение динамики вхождения работников бюджетного и небюджетного секторов экономики в средний класс по материально-имущественному критерию за период 2015-2017 гг., %

Субъективный критерий среднего класса основывается на трех вопросах об уверенности в финансовом положении, карьере, жилищных условиях, которые были описаны ранее. Таким образом очевидно, что если в ответах на вопросы о богатстве, уважении и власти респонденты в 2015 году и 2017 году были практически единодушны, то в оценке перспектив финансового положения, жилищных условий и карьерных перспектив они были более негативны во второй из рассматриваемых волн ЧСО, что привело к логичным результатам. Так, как видно из рисунка 34, доля бюджетников, причисленных к средним классам, незначительно снизилась (с 23,2% в 2015 году до 21,5%), в то время как среди занятых в небюджетном секторе снижение оказалось гораздо более заметным (соответственно, 36,7% в 2015 году и 30,5% в 2017).

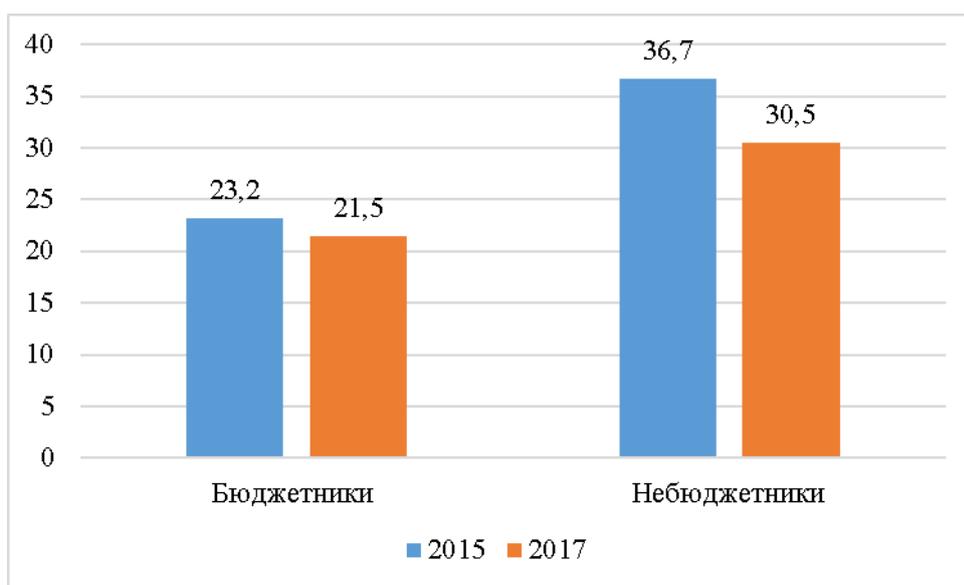

Рисунок 34 – Изменение динамики вхождения работников бюджетного и небюджетного секторов экономики в средний класс по субъективному критерию за период 2015-2017 гг., %

Исходя из рассмотренных выше признаков средних классов, можно перейти в структуре общества в целом в разрезе бюджетного и небюджетного секторов экономики. Поскольку в отношении каждого из критериев наблюдалось снижение долей респондентов, причисленных к среднему классу, не удивительно, что и в финальной формулировке эта доля снижается.

Таким образом, в 2015 году к среднему классу были причислены более четверти респондентов, занятых в бюджетном секторе (26,5%), а в 2017 году в него вошел уже только каждый пятый (21,6%). Доля работников, вошедших в протосредний класс, напротив, несколько выросла (на 1,6%), доля постсреднего класса снизилась на 3,5%, базового класса – снизилась на 4,3%. Очевидно, что при всех приведенных выше предпосылках, доля низшего класса выросла с 5,8% в 2015 году до 8,2% в 2017 (рисунок 35).

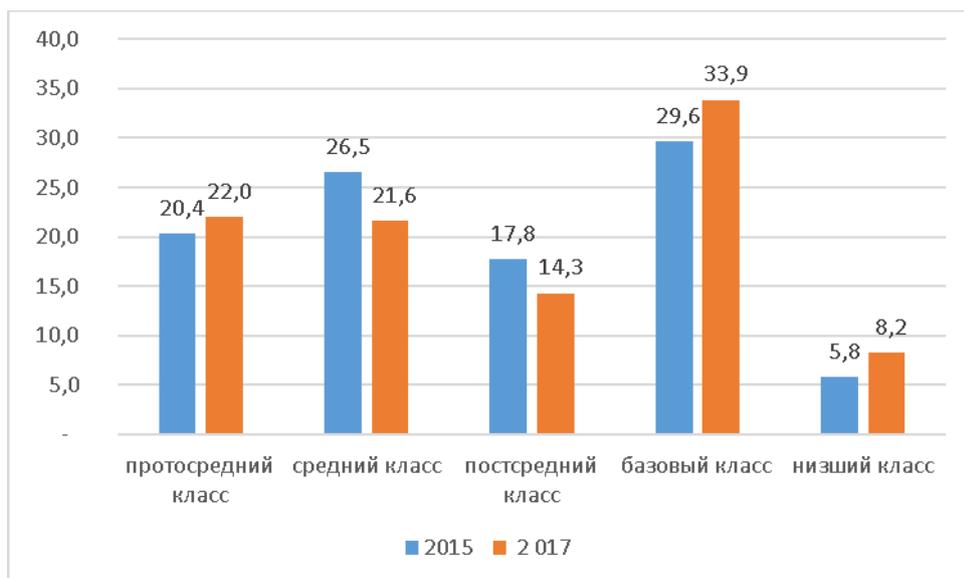

Рисунок 35 – Шкала средних классов, бюджетный сектор, 2015-2017 гг., %

В небюджетном секторе в протосредний класс попали доли респондентов, практически идентичные бюджетному сектору (20,4% в 2015 году и 21,7% в 2017). С другой стороны, в средний класс в 2015 году были включены 31,2% работников небюджетного сектора, но в 2017 году их доля резко снизилась (до 24,7%). В то же время в низший класс вошло на 2,5% больше опрошенных в 2017 году, чем в 2015 (рисунок 36).

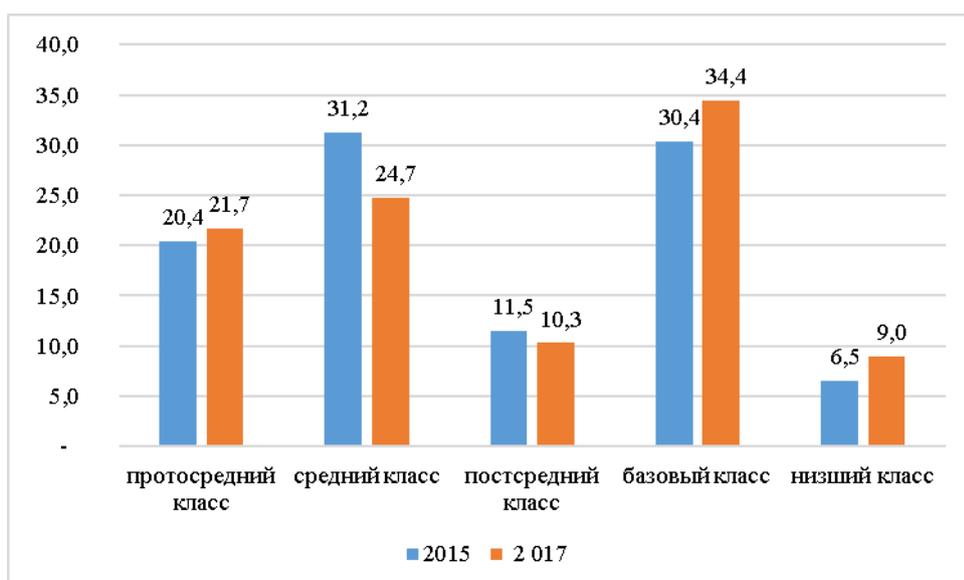

Рисунок 36 – Шкала средних классов, небюджетный сектор, 2015-2017 гг., %

Выводы

По данным опросов ЧСО 2015 и 2017 гг. доля работников бюджетного сектора среди занятых практически не изменилась, составив соответственно, 23,1% и 23,7% (76,9% и 76,3% работников заняты в небюджетном секторе). За счет более активного участия незанятого населения в опросе 2017 г доля занятых в бюджетном секторе по отношению ко всему населению (занятому и незанятому) снизилась с 16,5% в 2015 году до 14,4% в 2017.

В поселенческом разрезе подвыборка занятого населения сместилась за рассматриваемый период из крупных городов в сельскую местность, и для бюджетного сектора данное смещение чуть более заметно, чем для остальных занятых. Доля женщин, занятых в бюджетном секторе традиционно выше, и за период 2015-2017 гг. среди наших респондентов она увеличилась на 13%. В небюджетном секторе, напротив, наблюдается обратная ситуация, среди наших респондентов доля занятых здесь женщин снизилась на 20%.

В разрезе уровней образования среди респондентов, занятых в бюджетном секторе экономики, сократилась доля тех, кто не имеет высшего образования. При этом за 2015-2017 гг. доля работников с высшим образованием значительно выросла в бюджетном секторе (с 42 до 50%) и снизилась в небюджетном (с 42 до 36%).

В структуре профессионально-квалификационных групп ЧСО 2015-2017 гг. также произошли значительные изменения. В бюджетном секторе снизилась доля руководителей и выросли другие профессиональные группы, в первую очередь

работников высшего и среднего уровня квалификации. В небюджетном секторе снизилась доля не только руководителей, но и работников высшего и среднего уровня квалификации, при этом выросла доля операторов, аппаратчиков, машинистов и квалифицированных рабочих.

В результате подвижки социально-профессиональной структуры и уровней образования занятых, доля среднего класса в соответствии с социально-профессиональным критерием в бюджетном секторе снизилась на 11,7%, в небюджетном - на 6%.

Субъективные оценки социального положения работников бюджетного и небюджетного секторов экономики в рамках самопозиционирования респондента на шкалах богатства, уважения и власти, практически не изменились за период 2015-2017 гг., причем эти оценки практически не варьируются в разрезе двух секторов.

Иначе дело обстоит со степенью уверенности в завтрашнем дне, в частности в видении того, как в ближайшие годы могут измениться финансовое положение, жилищные условия и карьера. В целом респонденты, занятые в обоих секторах экономики, склонны оценивать эти показатели более пессимистично в 2017 году, нежели в 2015. Если у людей, которые в кризисный период сохранили свои рабочие места, оценка текущего положения дел и не изменилась, то о будущем они стали думать более негативно.

Поскольку субъективный признак среднего класса рассчитывается как раз на основании вопросов об уверенности в завтрашнем дне, то более негативные оценки перспектив в 2017 году привели к сокращению доли причисленных к среднему классу. В бюджетном секторе она снизилась на 1,7%, а среди работников небюджетного сектора сократилась еще более значительно, на 6,2% относительно уровня 2015 г.

В итоге в интегральный средний класс по совокупности трех базовых критериев в 2017 г. попало 22% бюджетников и 25% небюджетников (в 2015 г. в средний класс входили 27% бюджетников и 31% занятых в небюджетных отраслях). Доля среднего класса сократилась на 5-6 п.п., на небюджетном секторе кризис отразился сильнее, однако занятые этой группе отраслей по-прежнему имеют более высокие шансы попасть в средний класс. Среди бюджетников доля низшего класса выросла с 5,8% до 8,2%, а среди небюджетников в низший класс вошло также на 2,5% опрошенных больше, чем в 2015 году, и доля среднего класса здесь составила 9%.

2 Анализ масштабов и глубины социально-экономических деприваций домохозяйств из разных социальных страт

2.1 Построение депривационного инструментария на данных обследования ЧСО

Стратификация российского общества в нашей методологии основана на трех критериях – субъективном, социально-профессиональном и материально-имущественном. Признаки деприваций или лишений, составляющие индекс депривационной бедности, по определению отражают нехватку материальных благ по причине дефицита средств, а также дефицит социальных связей, проблемы со здоровьем или ограниченный доступ к рынку труда. Таким образом, мы имеем дело с двумя многомерными классификаторами, покрывающими различные аспекты социального положения населения.

Обе шкалы – стратификационная и депривационная – представляют собой попытку упорядочить респондентов по социально-экономическому положению. Депривации показывают дефицит или нехватку чего-либо, и сравнивая социальные страты по степени депривированности мы сможем не только увидеть различия или сходства, но и оценить условное «расстояние» между ними, или неравенство. Если под уровнем жизни населения понимать степень удовлетворения потребностей, тогда депривационный подход может служить также инструментом измерения уровня жизни.

В целом системы оценок благосостояния и качества жизни, применяемые Всемирным банком и ООН, выстроены на концепции «потенциальных возможностей» А. Сена, и как раз применяют депривационный подход. Примером расчета единого показателя, агрегирующего разнородную информацию по различным направлениям, может служить индекс многомерной бедности (Multidimensional Poverty Index, см. [Alkire and Santos, 2012]), который используется в межстрановых расчетах ООН, а также индекс бедности и социальной исключенности AROPE, рассчитываемый Евростатом [Guio et al, 2012]. В связи с тем, что для не доходной бедности социальная норма неформализуема и очень субъективна, есть практика выбирать черту депривации так, чтобы масштабы бедности по лишениям были примерно сопоставимы с уровнем доходной бедности населения. Другие авторы в качестве бедных рассматривают нижнюю квинтильную группу (20%) распределения по лишениям [Tsakloglou and Papadopoulos, 2002; Coromaldi and Zoli, 2012].

Для построения индекса депривационной бедности мы выделяем группы или домены признаков, оцениваем их распространенность по выборке ЧСО-2017 и формируем индикатор наличия лишений по каждому из доменов, группируя признаки или выбирая одну из нескольких альтернатив.

При анкетировании мы задали респонденту «классический» набор вопросов о том, что он(а) и его семья хотели бы, но не могут себе позволить из-за отсутствия средств. Такие вопросы встречаются в анкетах других обследований населения, поэтому описание полученного распределения данной группы лишений представляет интерес в сравнительной перспективе (таблица 1). Отъезд в отпуск всей семьей очень редко доступен российским домашним хозяйствам, доля семей, которые не могут себе это позволить по причине недостаточности средств – 77%. Обновить мебель или купить новые бытовые приборы хотели бы, но не могут 69% респондентов ЧСО-2017.

Таблица 1 – Доля домохозяйств, которые не могут себе позволить перечисленные блага по причине нехватки средств, и концентрация лишений данного вида, %

Лишение (депривация)	Доля, %
Уехать на неделю всей семьей в отпуск	76,9
Купить новую мебель, бытовые приборы	69,1
Оплатить образование члену семьи	64,4
Оплатить медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции	50,0
Не реже, чем раз в месяц приглашать друзей, родных на ужин к себе домой или в кафе	40,2
Купить новую одежду	31,2
Не реже, чем через день есть мясо, курицу, или рыбу	18,8
Купить назначенные врачом лекарства	12,8
Концентрация перечисленных лишений	
Нет лишений	10,8
Одно	10,4
Два	13,0
Три	14,2
Четыре	14,0
Пять	13,5
Шесть	11,9
Семь	8,2
Восемь	4,1

Источник: ЧСО-2017.

Оплата образования в гипотетической постановке вопроса (если бы пришлось, вы смогли бы) недоступна 64% семей, платная медицина не под силу половине (50%) наших респондентов. Высокая распространенность перечисленных лишений, недоступных большинству российских семей, с теоретической точки зрения (по базовому определению) противоречит тому, что данные блага представляют собой сложившийся в обществе социальный стандарт, и при построении национального индекса деприваций не должны в него входить. Однако, современная трактовка депривационного подхода, применяемая в

европейских странах, ослабляет данное требование в пользу универсальности индекса, допуская использование некоторых индикаторов лишений, не слишком распространенных в одних странах и более широко встречающихся в других.

Для такой разнообразной страны как Российская Федерация вопрос выбора индикаторов депривационной бедности крайне актуален – как мы видим из предыдущих исследований, блага, недоступность которых воспринимается как дефицит для семей с детьми, могут быть неактуальны в группе домашних хозяйств с ветеранами труда. Также огромные различия показаны между типами поселений. Решение состоит в выборе «порога бедности» исходя из концентрации деприваций. В данном случае семь лишений из восьми имеется у 12,2% опрошенных, а 24,1% семей не могут себе позволить шесть и более из перечисленных благ, что как раз и демонстрирует высокую их распространенность. Если создавать индекс бедности по лишениям из данного «классического» перечня, то «шесть из восьми» было бы порогом бедности, а «семь из восьми» - признаком глубокой депривационной бедности.

Почему можно брать признаки столь разной распространенности с одинаковым весом? Распространенность признака и сила, с которой его наличие приводит в группу бедных взаимосвязаны отрицательным образом. Например, риск тех 77% из опрошенных в ЧСО-2017, кто не может самостоятельно оплатить отпуск, составляет 31% - именно с такой вероятностью они попадают в группу обладателей шести деприваций из восьми и считаются депривационно бедными (рисунок 37). И наоборот, если семей, которые не могут обновлять одежду 31% среди опрошенных, то из них 68% являются депривационно бедными. А те, кто не может купить лекарства (13% респондентов), почти полным составом попадают в число бедных (вероятность 84%). Следовательно, при простом суммировании признаков эффект широко распространенных признаков «размывается», а редкие по распространенности депривации с высокой точностью сигнализируют о бедности домашнего хозяйства.

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 37 – Распространенность лишений и риски попадания в депривационную бедность, %

Что касается перечисленных выше «классических» признаков депривации, мы можем проиллюстрировать их динамику на панельной подвыборке обследования РИДМИЖ, в которую вошло 5641 домохозяйство, опрошенных в 2004, 2007 и 2011 годах в рамках обследования «Поколения и гендер» (Рисунок 38). Как мы видим, возможность отъезда в отпуск – традиционный рекордсмен по недоступности для российских домашних хозяйств. Однако за период с 2004 по 2011 годы доля домашних хозяйств, которым это не под силу сократилась с 84 до 70% участников нашего лонгитюдного исследования.

Примечание – Источник: расчеты авторов на основе панельного исследования РидМиЖ, N=5641

Рисунок 38 – Динамика распространенности лишений в 2004-2007-2011 гг. согласно панельному исследованию РидМиЖ, %

Замена мебели и бытовых приборов стала доступнее за те же семь лет на 20 п.п., доля тех, кто не может покупать новую одежду, или тех, кто не может поддерживать в доме достаточное тепло, сократилась практически вдвое, с 20-25% до 10-14%. В полтора раза меньше стало домашних хозяйств, депривированных в питании.

Возможности приглашать к себе в гости друзей или родственников, при необходимости иметь возможность оплатить лечение или образование членам семьи значимо не изменились, медицина недоступна для 40%, образование – для 65%, а прием гостей нереален для 50% участников панельного опроса.

Удивительным образом, по ЧСО-2017, выборка которого соответствует структуре генеральной совокупности, медицина сегодня недоступна для 50% семей, образование –

для 64%, прием гостей – для 40% опрошенных. Депривации в покупке одежды испытывают 31%, в полноценном питании – 19% семей. В целом балансы депривационных признаков похожи.

Отдельным ракурсом изучения материального положения выступает оснащенность бытовой техникой, техническими средствами. Депривацией считается недоступность их приобретения по финансовым причинам, а не просто отсутствие этих предметов в домашнем хозяйстве. По панельной выборке 5,6 тыс. российских домохозяйств можно сделать вывод, что за период с 2004 по 2011 гг. что оснащенность быта «базовой» техникой значительно улучшилась. При этом депривированность, когда домохозяйство хочет, но не может приобрести технику снизилась с 6 до 1% по доступности телевизора, с 4 до 1% - холодильника, с 11 до 4% в доступности покупки стиральной машины (таблица 2). Доля же домашних хозяйств, которые не имеют перечисленных предметов по другим причинам, например, потому что они им не нужны, оставалась за эти годы стабильной – такие домашние хозяйства с формальной точки зрения не являются депривированными, так как неудовлетворенные потребительские запросы не имеют места. Следует отметить, что численность таких семей невелика.

Совершенно другую динамику демонстрирует за эти годы депривация по наличию микроволновой печи. По мере того, как микроволновки становились доступнее по цене, не только стремительно выросло количество домохозяйств с такими печами (с 13 до 60%), но также и значительно уменьшилось (с 36 до 24%) число семей, у которых не было микроволновок «по другим причинам». Данный пример иллюстрирует, что депривационный признак может возрастать вследствие расширения ценовой доступности благ – часть домохозяйств, которым ранее эти блага были не нужны, пересматривают свое отношение, задумываются о приобретении, и на время пополняют ряды «депривированных».

Таблица 2 – Динамика доступности основных бытовых приборов в 2004-2011 гг. – телевизора, холодильника и стиральной машины, панельное исследование РиДМиЖ, %

	2004	2007	2011
Телефон - стационарный или мобильный			
Имеют	62,8	83,0	0,0
Хотели бы, но не могут себе позволить	25,6	10,5	0,0
Не имеют по другим причинам	11,3	6,3	0,0
Компьютер, ноутбук			
Имеют	13,0	28,2	47,2
Хотели бы, но не могут себе позволить	48,2	34,9	19,2
Не имеют по другим причинам	38,7	36,7	33,3
Микроволновая печь			
Имеют	13,4	36,0	60,5
Хотели бы, но не могут себе позволить	50,5	35,0	16,8
Не имеют по другим причинам	35,9	28,8	22,4
Посудомоечная машина			
Имеют	0,4	1,0	2,0
Хотели бы, но не могут себе позволить	38,2	32,7	32,0
Не имеют по другим причинам	60,6	65,4	65,2
Легковой автомобиль или миниавтобус для личного пользования			
Имеют	32,2	34,0	38,0
Хотели бы, но не могут себе позволить	39,0	32,6	26,0
Не имеют по другим причинам	28,7	33,4	36,0
Стиральная машина			
Имеют	85,3	87,1	91,8
Хотели бы, но не могут себе позволить	11,2	9,0	4,2
Не имеют по другим причинам	3,3	3,9	3,7
Телевизор			
Имеют	92,6	97,1	98,5
Хотели бы, но не могут себе позволить	6,2	2,1	0,8
Не имеют по другим причинам	1,1	0,8	0,5
Холодильник, морозильник			
Имеют	95,6	н/д	98,0
Хотели бы, но не могут себе позволить	3,5	н/д	1,3
Не имеют по другим причинам	0,8	н/д	0,5

Примечание – Источник: расчеты авторов на основе панельного исследования РиДМиЖ, N=5641

Аналогичную динамику мы наблюдаем по доступности стационарного или мобильного телефона за период 2004-2007 гг. Как и в случае микроволновой печи, телефонная связь иллюстрирует изменение массового стиля потребления за короткий исторический промежуток. И если в 2004 г. отсутствие указанной техники можно было считать признаком условной бедности, то сегодня это уже не так.

Картина использования компьютеров особенно стабильно высокой долей тех, у кого нет надобности в приобретении домашнего компьютера или ноутбука. При этом распространенность компьютеров увеличилась с 13 до 47% домохозяйств, а неудовлетворенный потребительский спрос сократился с 48 до 19% семей.

Легковые автомобили – пример сокращения депривации как за счет небольшого роста числа автомобилистов, так и вследствие увеличения группы тех, у кого личного автомобиля нет по другим причинам, например, когда дети выросли, и в автомобиле уже нет необходимости, или за счет улучшения общественного транспорта. Также значительную роль играет время – мы наблюдаем за одними и теми же семьями в 2004, 2007 и 2011 гг., за это время респонденты стареют и по состоянию здоровья не могут водить (случается, когда муж-автовладелец умирает, и в домохозяйстве остается одна жена). В репрезентативных опросах населения, например, в ЧСО, такие эффекты минимальны, так как демографическая структура в целом крайне инерционна.

Следуя рекомендациям Евростата, мы будем применять многофакторный подход к определению депривационной бедности, разделив перечисленные выше признаки по доменам и дополнив доступной информацией о положении опрошенных по ЧСО-2017 домашних хозяйств.

В группу признаков лишений в базовом потреблении вдобавок к индикаторам того, что домохозяйство не может себе позволить (НМСП) приобретение новой одежды и полноценное белковое питание мы включаем признак высокой доли расходов на еду в бюджете домохозяйства (более половины дохода) и самоопределение финансового статуса семьи как достаточного для покупки еды, но затруднительного для оплаты жилья и коммунальных услуг и покупки одежды. Распространенность перечисленных признаков составляет от 19 до 31% (таблица 3).

Таблица 3 – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения в базовом потреблении, и концентрация индикаторных лишений, %

Лишения в базовом потреблении	Доля респондентов, %
Затруднительно покупать одежду и оплачивать ЖКУ или денег не хватает даже на еду	29,7
На еду тратят более половины доходов	26,0
НМСП купить новую одежду	31,2
НМСП не реже, чем через день есть мясо, курицу, или рыбу	18,8
Концентрация признаков лишений	
ноль	44,9
один	23,5
два	16,7
три	10,9

Лишения в базовом потреблении	Доля респондентов, %
четыре	4,0
Граница бедности - два лишения и более	31,6

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Все четыре индикаторных в сфере базового потребления лишения испытывают 4% опрошенных, еще 11% семей депривированы по трем признаком из четырех. В качестве границы бедности по базовому потреблению мы берем наличие двух из четырех признаков лишений. В таком определении 32% депривированы, то есть не могут удовлетворить свой спрос в сфере базового потребления.

Вторая группа (домен) лишений касается возможностей поддерживать здоровье. В нее входят индикаторы невозможности по финансовым причинам покупать лекарства, предписанные врачами, и платить за медицинские услуги (кроме дорогих операций), а также два признака плохого здоровья – низкая самооценка (скорее плохое или плохое) или наличие инвалидности. При этом инвалидность понимается в обобщенном смысле и включает в себя как наличие серьезных длительных ограничений зрения, слуха, речи, памяти, подвижности (по определению Вашингтонской группы), так и назначенную респонденту официально группу инвалидности. Эти признаки по отдельности есть у 13-50% респондентов, и только 40% выборки не сталкивается с проблемами здоровья и его поддержания (таблица 4).

Таблица 4 – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения в области здоровья и его поддержания, и концентрация индикаторных лишений данной группы, %

Лишения по здоровью	Доля респондентов, %
Самооценка здоровья - плохое или скорее плохое	25,4
Респондент - инвалид по широкому определению, официальный либо по определению ВГ	12,7
НМСП оплатить медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции	50,0
НМСП купить все назначенные врачом лекарства	12,8
Концентрация признаков лишений	
ноль	39,7
один	32,1
два	17,7
три	8,6
четыре	2,0
Граница бедности - два и более лишений	28,2

Источник: ЧСО-2017.

Все четыре признака плохого здоровья и сложностей в получении медицинской помощи есть у 2% населения, 9% опрошенных сталкиваются с тремя лишениями из четырех. Порог бедности – два и более признака, и к бедным по домену «Здоровье» относятся 28% респондентов ЧСО-2017.

По оснащенности быта и жилищным условиям мы выделили шесть критериев неудовлетворительного положения дел. Это проживание в коммунальной квартире или общежитии (6%), отсутствие своего холодильника или стиральной машины (6%), низкая субъективная оценка жилищных условий (9%), размер общей площади менее 15 кв.м. на одного проживающего, и невозможность по финансовым причинам обновлять мебель и бытовую технику (таблица 5).

Таблица 5 – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения в обеспечении быта и жилищных условиях, и концентрация индикаторных лишений данной группы, %

Лишения в жилищных условиях и быту	Доля респондентов, %
Живут в коммунальной квартире или общежитии	5,6
Испытывают сильную стесненность	10,8
Оценивают жилищные условия как плохие или очень плохие	8,5
Общая площадь на душу менее 15 кв.м.	28,2
Нет холодильника или стиральной машины	5,5
НМСП купить новую мебель, бытовые приборы	69,1
Концентрация признаков лишений	
ноль	22,1
один	46,0
два	19,6
три	7,7

четыре	3,6
пять	0,8
шесть	0,1
Граница бедности - два и более лишений	31,9

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Не имеют ни одного их перечисленных признаков 22%, еще у 46% присутствует лишь один признак депривации, и с высокой вероятностью это НМСП купить новую мебель, который мы взяли из «классического» перечня деприваций. Порог бедности мы устанавливаем на уровне двух деприваций и выше, и к группе бедных по домену «Жилье, быт» относятся 32% респондентов, то есть почти каждый третий человек.

Домен «Финансовое положение» содержит сведения о сложностях в оплате жилья и коммунальных услуг (13%), о неподъёмности расходов на образование, если бы необходимость в них возникла (64%), а также свидетельство об отсутствии сбережений (37%). Также в этой группе содержится признак того, что домашнему хозяйству приходилось покупать продукты питания в долг, или занимать денег на еду (33%) (таблица б).

Таблица б – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения в финансовом положении, и концентрация индикаторных лишений данной группы, %

Лишения в финансовом положении	Доля респондентов, %
Нет сбережений	37,2
Приходилось покупать продукты в долг или занимать денег на еду	33,4
Задерживали оплату ЖКУ на два месяца и более	13,1
НМСП оплатить образование члену семьи	64,4
Концентрация признаков лишений	
ноль	21,6
один	31,7
два	27,4
три	15,4
четыре	3,8
Граница бедности - два и более лишений	46,7

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Бедностью по домену «Финансово положение» мы считаем наличие двух признаков депривации из четырех, и за счет значительного масштаба непосильности расходов на образование, отсутствия сбережений и питания в долг, доля бедных достигает 47%.

Занятость и лишения в данной сфере не совсем универсальны, так как касаются только населения в трудоспособных возрастах. Тем не менее, ограничения в доступе к

рынку труда являются ключевыми для социально-экономического положения, поэтому они обязаны присутствовать среди признаков депривационной бедности. К лишениям в сфере занятости отнесены: наличие в домашнем хозяйстве человека в трудоспособном возрасте, который не работает и не учится (13%); наличие в семье длительно (полгода и более) безработного (14%), а также два признака низкого качества человеческого капитала. Это либо работа наемного работника на частное лицо, фермера или индивидуального предпринимателя (для многих рабочих мест такого вида характерна институциональная незащищенность), либо образование только на уровне общеобразовательной школы (таблица 7).

Таблица 7 – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения в сфере занятости, и концентрация индикаторных лишений данной группы, %

Лишения в сфере занятости	Доля респондентов, %
Не работает, не учится, не на пенсии	13,3
Длительно безработный (6 месяцев и более) - ищет работу и готов приступить к ней	14,1
Возраст трудоспособный, уровень образования - общеобразовательная школа	13,9
Наемный работник, работающий на частное лицо, фермера, ИП	14,9
Концентрация признаков лишений	
ноль	57,1
один	31,5
два	9,7
три	1,7
четыре	0,0
Граница бедности - два и более лишений	11,4

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Два и более лишения в сфере труда характерны для 11% респондентов.

Заключительная группа лишений описывает недостаточное участие человека в жизни сообщества. В нее входят как индикатор частого чувства одиночества (8%) и неудовлетворенная объективная потребность в помощи в быту и при самообслуживании (26%), так и невозможность по финансовым причинам поехать на неделю в отпуск всей семьей (77%) или регулярно ежемесячно приглашать к себе или в кафе гостей (40%) (таблица 8).

Таблица 8 – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения в сфере социальной включенности, и концентрация индикаторных лишений данной группы, %

Лишения по социальной включенности	Доля респондентов, %
НМСП уехать на неделю всей семьей в отпуск	76,9
НМСП не реже, чем раз в месяц приглашать друзей, родных на ужин к себе домой или в кафе	40,2

Лишения по социальной включенности	Доля респондентов, %
У респондента есть ограничения по здоровью, но обычно при самообслуживании ему никто не помогает	26,3
Респондент часто чувствует себя одиноким	7,7
ноль	15,3
один	35,5
два	33,5
три	13,9
четыре	1,7
Граница бедности - два и более лишений	49,1

Источник: ЧСО-2017.

Все четыре признака социальной исключенности характерны 2% опрошенных, 14% респондентов ограничены по трем признакам из четырех. В качестве порога бедности здесь также взяты два лишения из четырех, и по такому критерию в бедность по домену «социальная включенность» попадают 49%, то есть половина респондентов.

Широта одних доменов (финансовое положение и социальная изолированность) и узость других (например, занятости) компенсируется процедурой их агрегации в сводный показатель многомерной депривационной бедности. Процедура проводится методом простого суммирования, когда все домены признаются равновесными или равнозначными во влиянии на общую ситуацию. К бедным по лишениям мы относим тех, кто беден или ограничен в доступе к благам по четырем доменам из шести. Таких насчитывается 22% выборки ЧСО, в их числе 1,4% бедных по всем шести направлениям, и 7% имеют пять признаков из шести (таблица 9) – эти 8% могут считаться крайне бедными по депривационному признаку.

Таблица 9 – Доля домохозяйств, испытывающих ограничения по доменам и концентрация доменов лишений, %

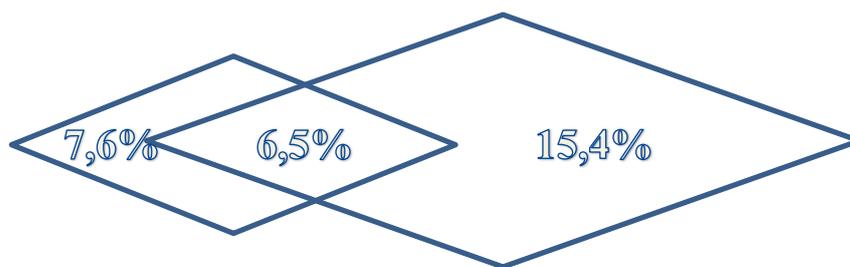
Депривационная бедность, домены	Доля респондентов, %
Лишения в базовом потреблении	31,6
Лишения по здоровью	28,2
Лишения в жилищных условиях и быту	31,9
Лишения в финансовом положении	46,7
Лишения в сфере занятости	11,4
Лишения по социальной включенности	49,1
Концентрация доменов по лишениям	
ноль	24,8
один	20,4
два	17,5
три	15,5
четыре	13,6
пять	6,9
шесть	1,4

Депривационная бедность, домены	Доля респондентов, %
Граница бедности - четыре домена и более	21,9

Источник: ЧСО-2017.

Насколько большую информацию дает индикатор депривационной бедности по сравнению с показателем монетарной бедности, который показывает, когда доходы ниже прожиточного минимума?

По доходам в категорию бедных попадает 14% респондентов ЧСО-2017, по депривациям – 22%, в полтора раза больше. Оба признака указывают на бедность 7%, то есть только половина из бедных по абсолютному критерию испытывают серьезные и многочисленные лишения в разных сферах жизнедеятельности. Если смотреть с точки зрения деприваций, то положение 1/3 группы бедных домашних хозяйств вдобавок характеризуется низкими текущими доходами (рисунок 39). У остальных 2/3 группы депривационно бедных по формальным критериям доход выше порога прожиточного минимума, однако его недостаточно для поддержания общественно приемлемого образа жизни. Таким образом, официально принятый в России абсолютный подход к измерению бедности по текущему доходу с одной стороны, выделяет группу семей, которые в принципе живут нормально по современным стандартам, возможно, за счет ресурсов старших поколений или своих доходов в предыдущие годы. С другой стороны, за рамками абсолютной бедности остается значительная группа семей, испытывающих значительные сложности в сферах базового потребления, жилья и оснащенности быта, социальных связей, здоровья, доступа к рынку труда и финансового положения.

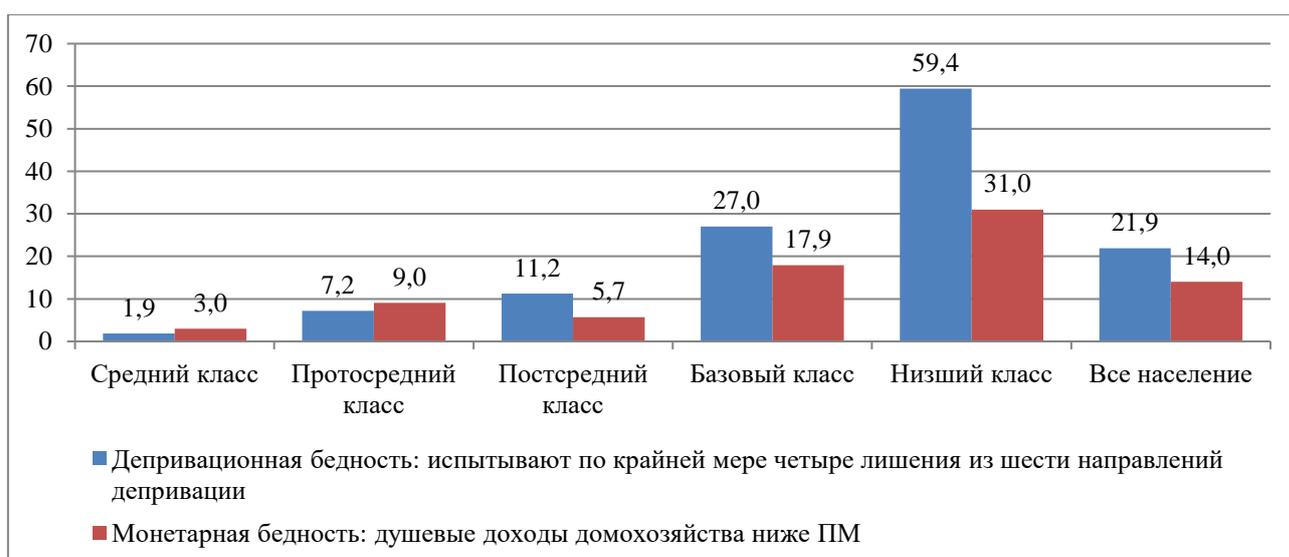

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 39 – Совпадение и различие признаков монетарной (слева) и депривационной (справа) бедности, %

2.2 Распространенность лишений и депривационной бедности среди представителей разных страт

Как мы уже отмечали, депривационная бедность в полтора раза более распространена – сюда относится 22% взрослого населения, в то время как к монетарно бедным 14%. В самой верхней страте, среднем классе, около 2% бедны по депривациям и 3% бедны по текущим доходам – так как мы проводили стратификацию по совокупности трех критериев, теоретически попадание в верхнюю страту людей с низким доходом возможно в случае высокого социально-профессионального статуса и хорошего субъективного самочувствия. На рисунке 40 численность каждой страты принимается за 100% и в этих 100% показана доля бедных по двум определениям. Видно, что депривационная бедность показывает более значительное неравенство между «крайними» стратами (в 32 раза), чем их отличия по показателю доходной бедности (в 10 раз).

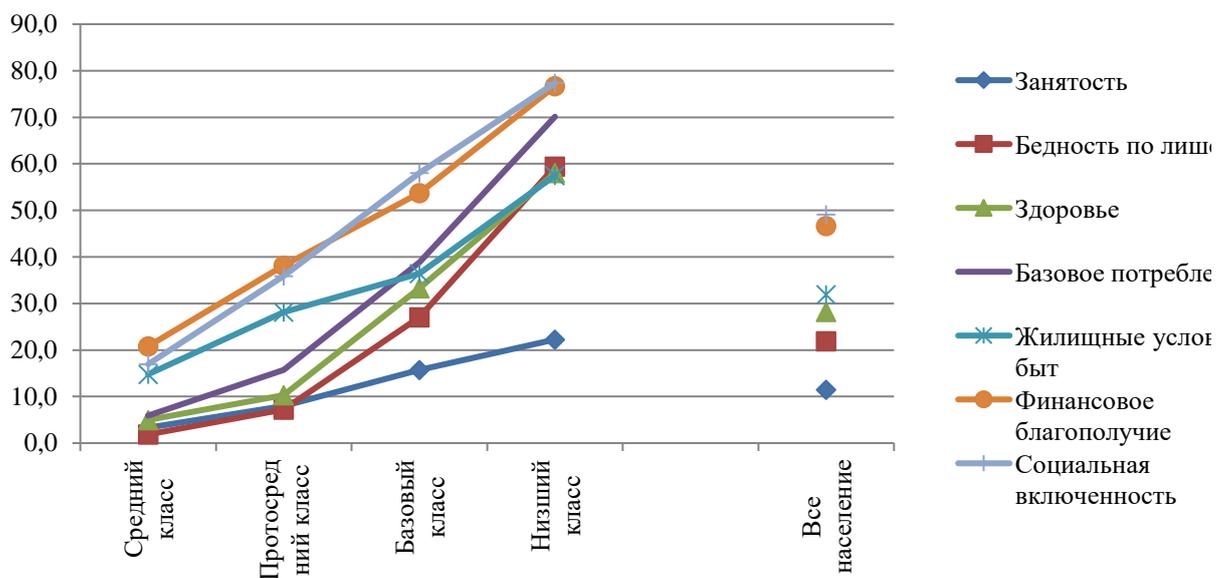

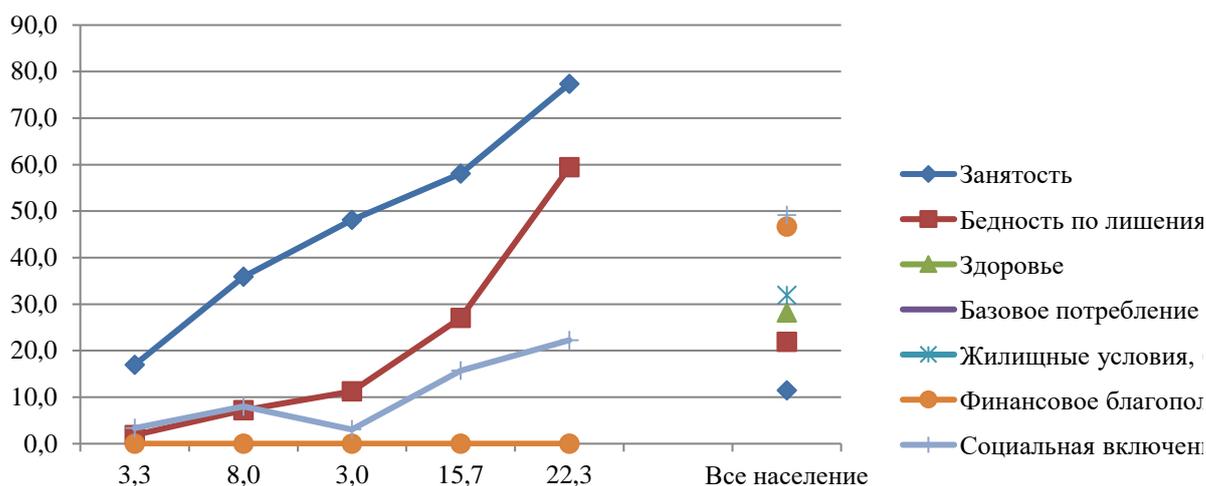
Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 40 – Доля респондентов, которые находятся в состоянии абсолютной и депривационной бедности, в разных стратах и в целом по выборке, %

В протосреднем классе 7% депривационно бедных и 9% бедных по доходам. Как мы видим, в верхние две страты бедные по депривациям попадают реже, чем бедные по доходам, несмотря на то, что численность бедных по лишениям в целом выше. Начиная с постсреднего класса и ниже по социальной лестнице, ситуация меняется – доля депривационно бедных в нижней части стратификационной шкалы перевешивает долю бедных по доходам. Чем ниже страта, тем выше в ней доля бедных по лишениям, и почти 60% представителей низшего класса бедны согласно депривационному подходу к дефиниции бедности. В состоянии бедности по доходам находятся 31% нижнего класса.

Если разложить депривационную бедность, выраженную в шести доменах, вдоль стратификационной лестницы, мы увидим гладкий монотонный рост бедности по частным признакам доменов лишений от минимальных значений в среднем классе к максимальной доли бедных в нижнем классе (рисунок 41), если брать шкалу без постсреднего класса.

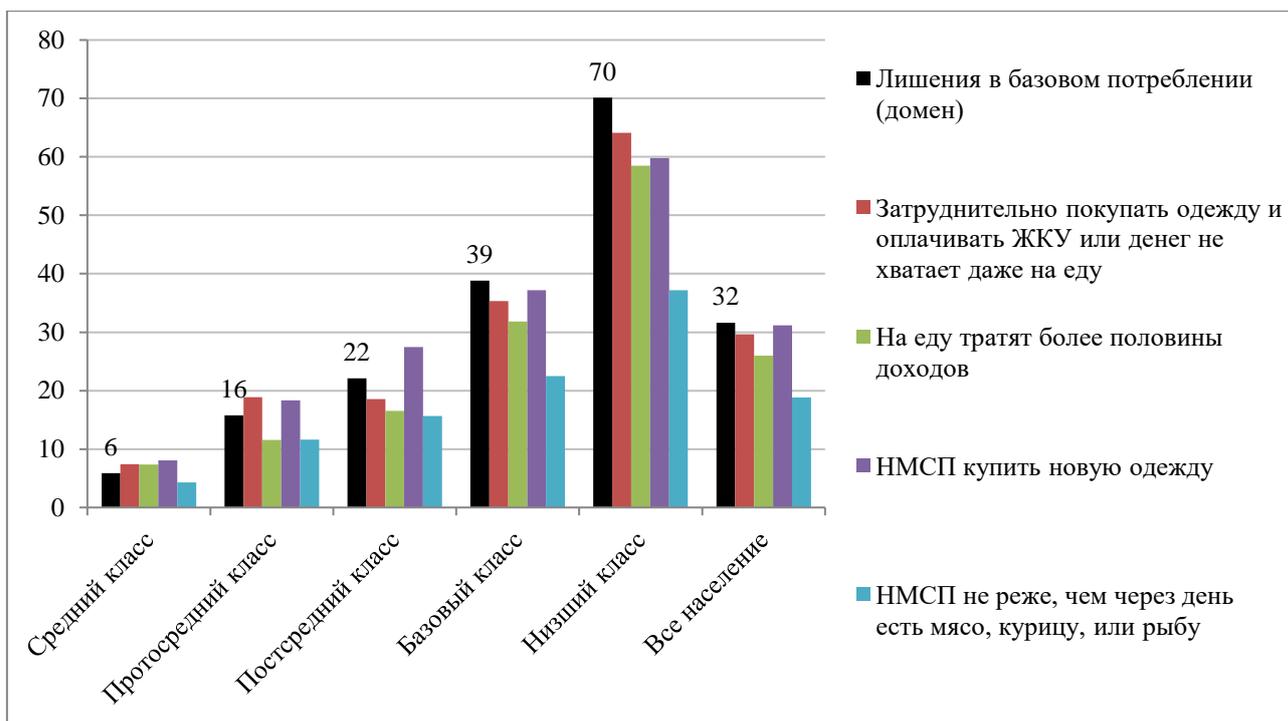

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 41 – Доля бедных по доменам деприваций респондентов в каждой из страт %

При включении в рисунок показателей постсреднего класса, который по многим признакам близок к протосреднему классу и только отличается от него по возрасту, мы видим некоторое нарушение порядка роста. Например, лишения в сфере занятости для постсреднего класса редки, что непосредственно следует из определения этой группы деприваций. По жилищным условиям постсредние намного ближе к среднему классу. Финансовое благополучие ограничено для представителей прото- и постсреднего класса в равной степени. А в депривациях по здоровью, напротив, постсредний класс близок к базовому классу.

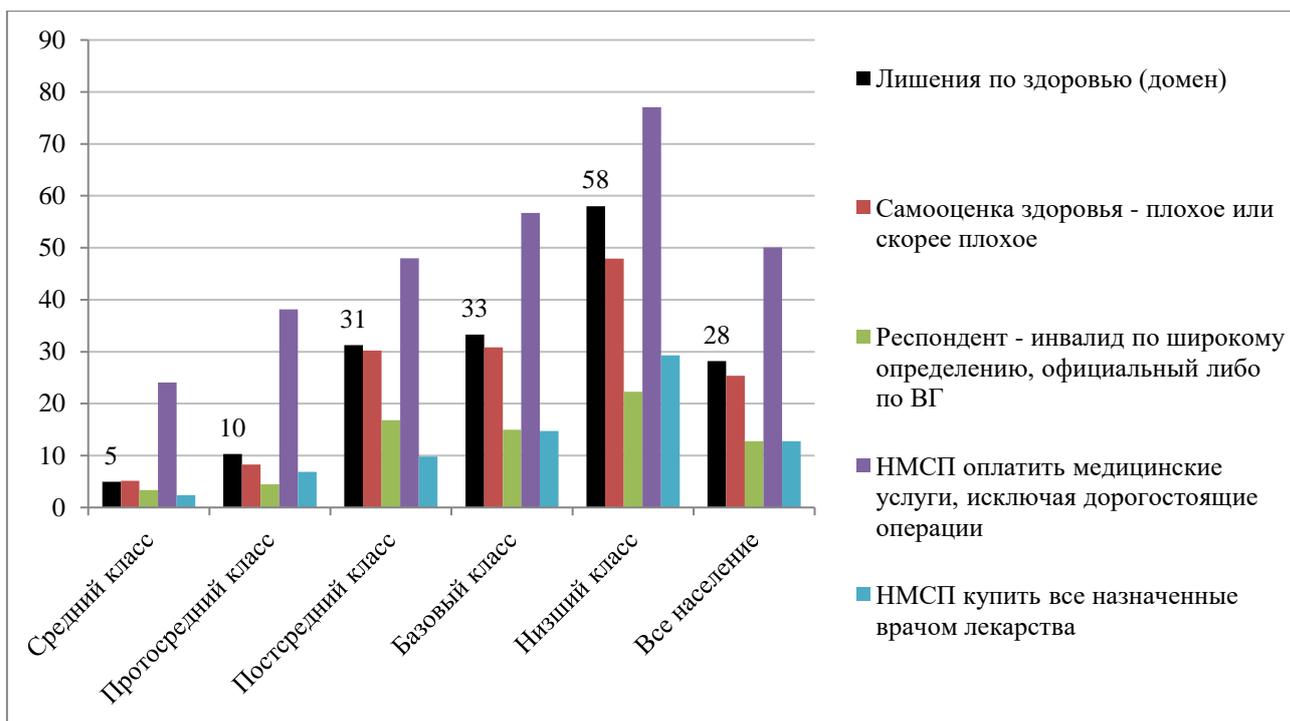
Среди лишений домена «базовое потребление» в целом по всем стратам лидирует невозможность себе позволить купить новую одежду, на втором месте – финансовое положение, определенное затруднениями при покупке одежды и оплате ЖКУ (рисунок 42). Невозможность полноценно питаться и употреблять регулярно белковую пищу – самое редкое из ограничений в данной сфере. За счет того, что в верхних стратах есть домохозяйства только с одним лишением из перечня, распространенность итогового индикатора бедности по лишениям в сфере базового потребления ниже, чем отдельных частных признаков. В нижних стратах концентрация лишений выше, поэтому сводный индикатор получается выше каждого из частных исходных показателей.

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 42 – Распространенность лишений домена базового потребления по стратам, %

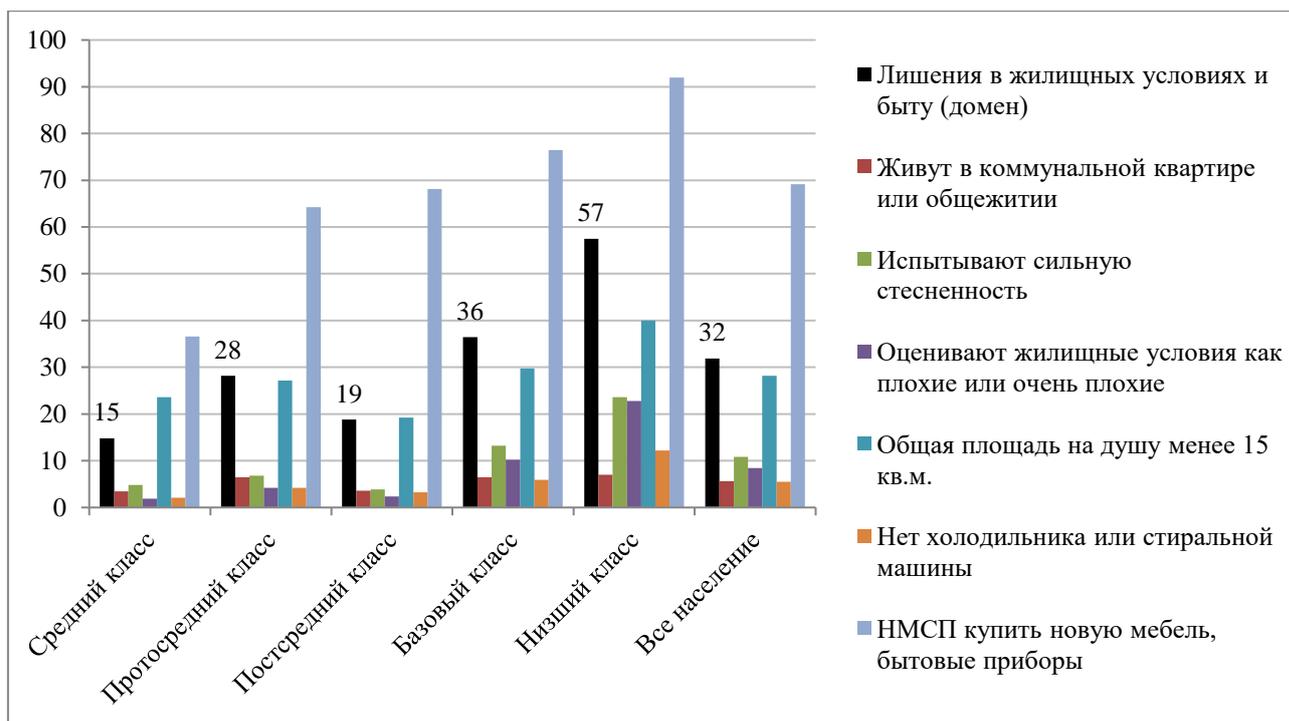
В домене «Здоровье» значительная распространенность неспособности оплачивать медицинские услуги, кроме дорогостоящих операций, наоборот, «гасится» другими признаками, и итоговый индикатор депривированности по данному домену для всех страт оказывается ниже, чем доля тех, кто не может платить за медицину (рисунок 43). На втором месте по частоте – низкая субъективная самооценка здоровья. Мы действительно видим близость постсреднего и базового классов по всем частным лишениям в сфере здоровья.

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 43 – Распространенность лишений домена «Здоровье» по стратам, %

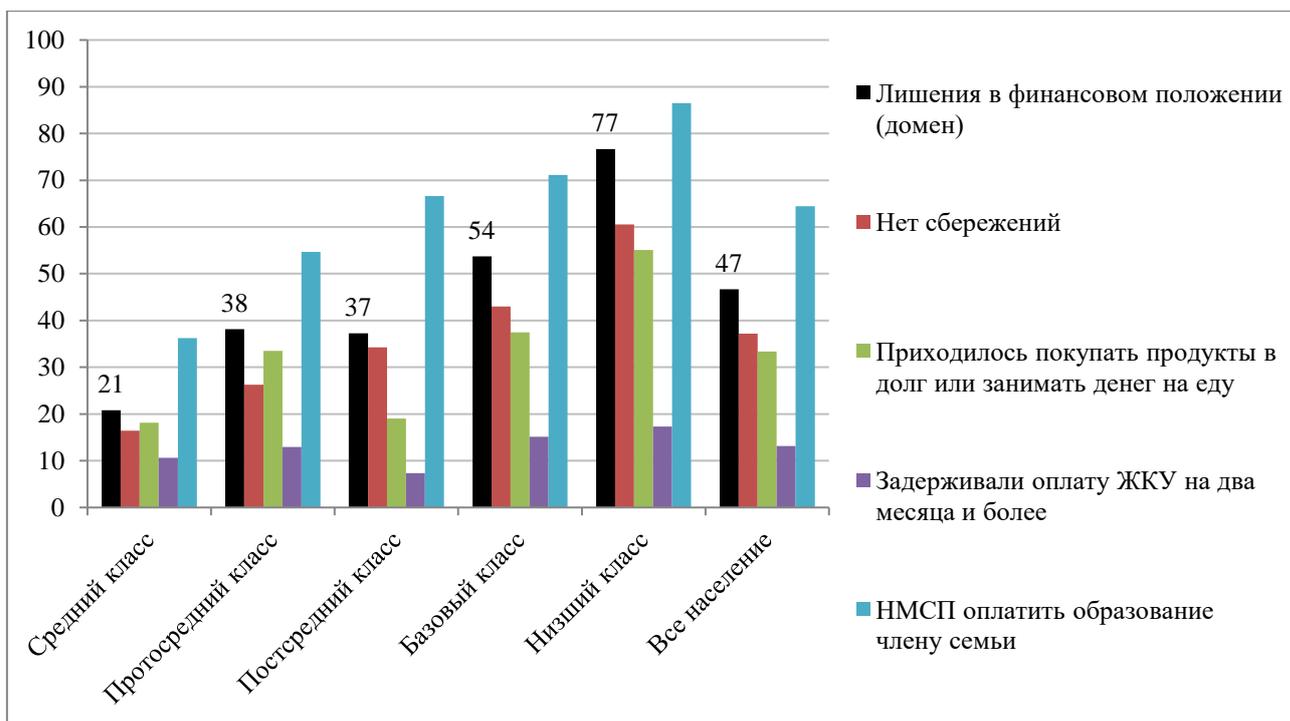
В домене жилищных условий и оснащённости быта лидируют два признака лишений – невозможность обновлять мебель и бытовые приборы по причине нехватки средств, и объективный показатель площади жилья на душу не более 15 кв. м. (рисунок 44). Именно эти два признака приводят к столь высокой депривированности среди представителей среднего класса в данной сфере.

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 44 – Распространенность лишений домена «Жилищные условия и оснащенность быта» по стратам, %

В финансовом положении следует обратить внимание на два индикатора. Во-первых, это наличие долгов по оплате жилья и коммунальных услуг. В данном ракурсе мы видим самую высокую дисциплинированность постсреднего класса – в нем число должников минимально (рисунок 45), даже ниже, чем у среднего класса. Вторым индикатором – случалось ли респонденту и его домашнему хозяйству покупать продукты питания в долг. Этот вопрос был включен в анкету, чтобы обнаружить указанное явление среди бедных, однако результат дал неожиданно высокую цифру во всех стратах. И здесь снова самыми «самостоятельными» и самодостаточными выступают представители постсреднего класса, что может объясняться не слишком надежной финансовой поддержкой со стороны социальных связей.

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 45 – Распространенность лишений домена «Финансовое положение» по стратам, %

Занятость в наименьшей степени касается постсредних в силу их возраста. В среднем классе есть значительное число наемных работников, работающих на индивидуальных предпринимателей или на частное лицо. Однако более точных показателей незащищенности позиции на рынке труда в нашем распоряжении не было, поэтому использовался данный индикатор. И несмотря на довольно значительные частные показатели, для среднего класса они характерны по одному, поэтому итоговый индикатор депривированности по домену получается низким (рисунок 46).

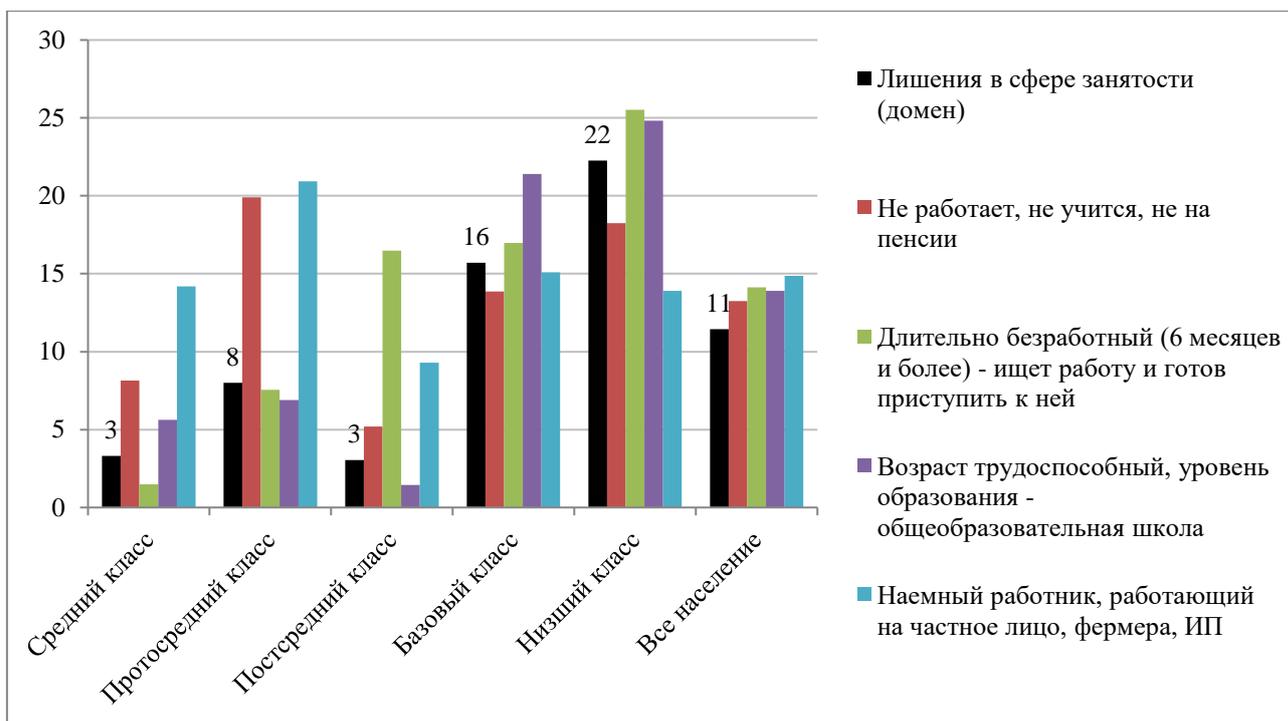
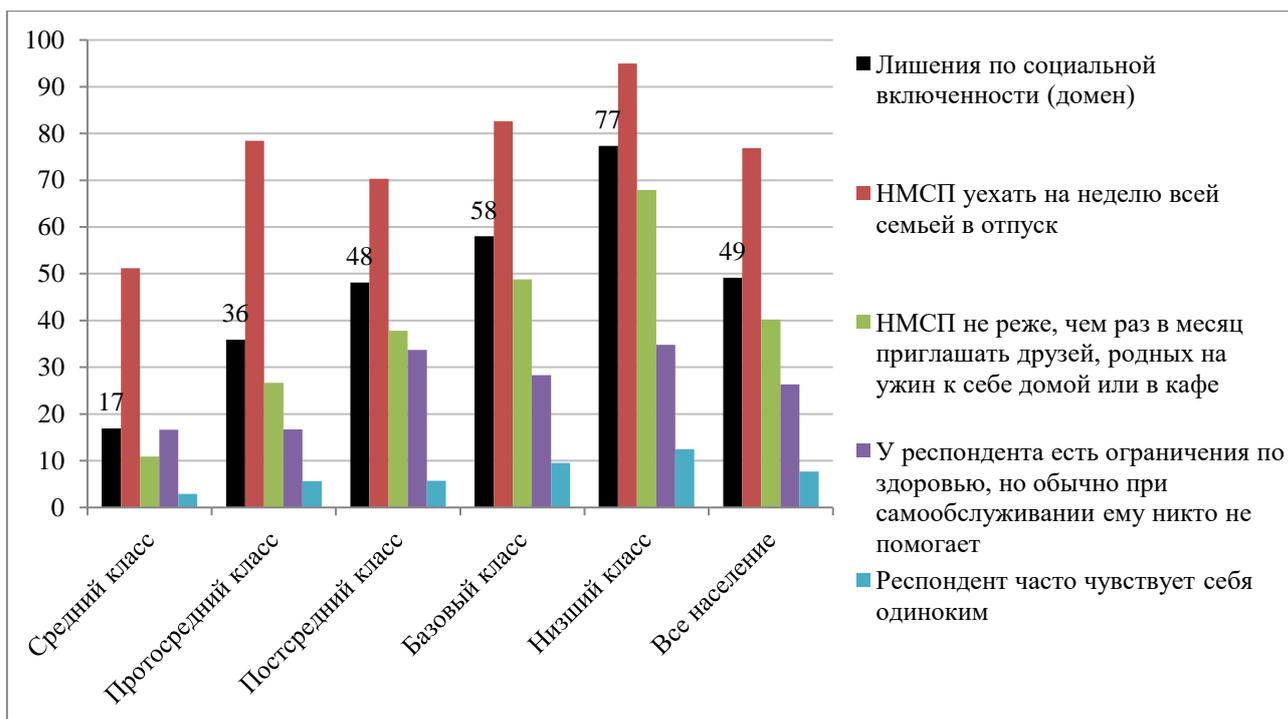

Рисунок 46 – Распространенность лишений домена «Рынок труда» по стратам, %

Включенность в социальную жизнь сообщества в наибольшей степени дефектна из-за невозможности позволить себе уехать в недельный отпуск с семьей. На второй по распространенности позиции – сложность регулярно приглашать друзей и родных в гости. И если отпуск выступает довольно значительным барьером для представителей всех страт – половина среднего класса тоже в их числе – то приглашать друзей в гости средний и протосредний классы могут себе позволить (рисунок 47).

Примечание – Источник: ЧСО-2017.

Рисунок 47 – Распространенность лишений домена «Социальная эксклюзия» по стратам, %

2.3 Проекция депривационной бедности на шкалы богатства, власти и уважения

Взгляд на субъективные оценки респондентом своего положения в обществе сквозь призму депривационной и монетарной бедности показывает, что депривационная бедность гораздо теснее связана с низкими оценками по шкале богатства (рисунок 48). Среди тех, кто ставит себя на самую нижнюю первую ступень, более половины относятся к бедным по лишениям. В то же время к бедным по доходам из них отнесены только 25%.

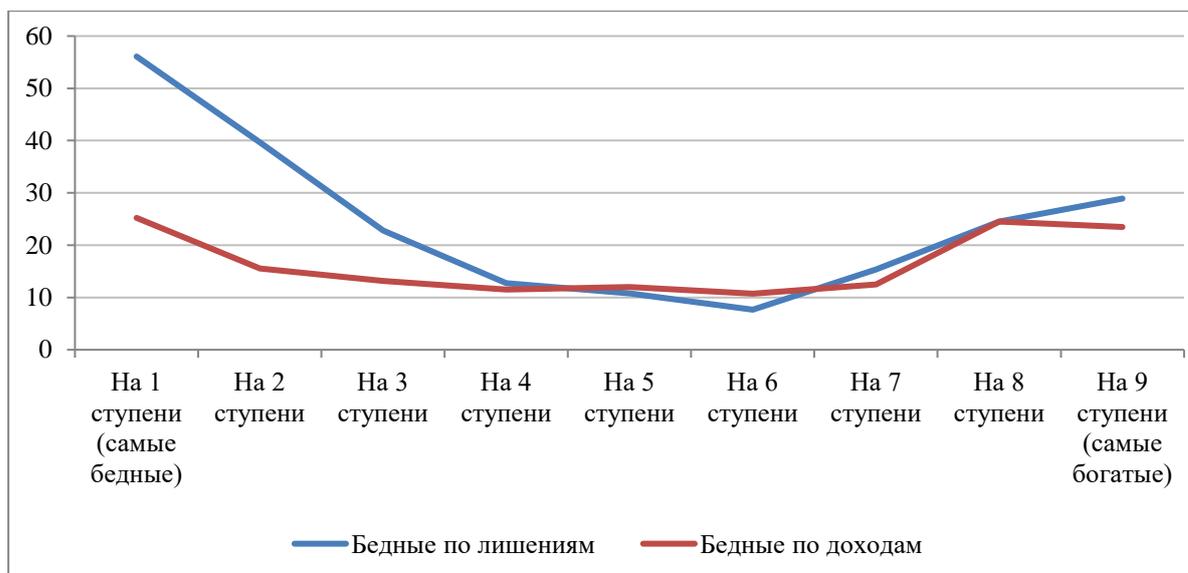

Рисунок 48 – Ответы бедных на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бедные, а на высшей – самые богатые. На какой ступени стоите вы?», %

Также в два раза отличается доля бедных по депривациям и по доходам среди тех респондентов, кто считает себя самым бесправным. Нижние ступени шкалы власти также сильнее концентрируют в себе бедных по лишениям, чем бедных по доходам, которые достаточно равномерно распределены вдоль этой шкалы (рисунок 49).

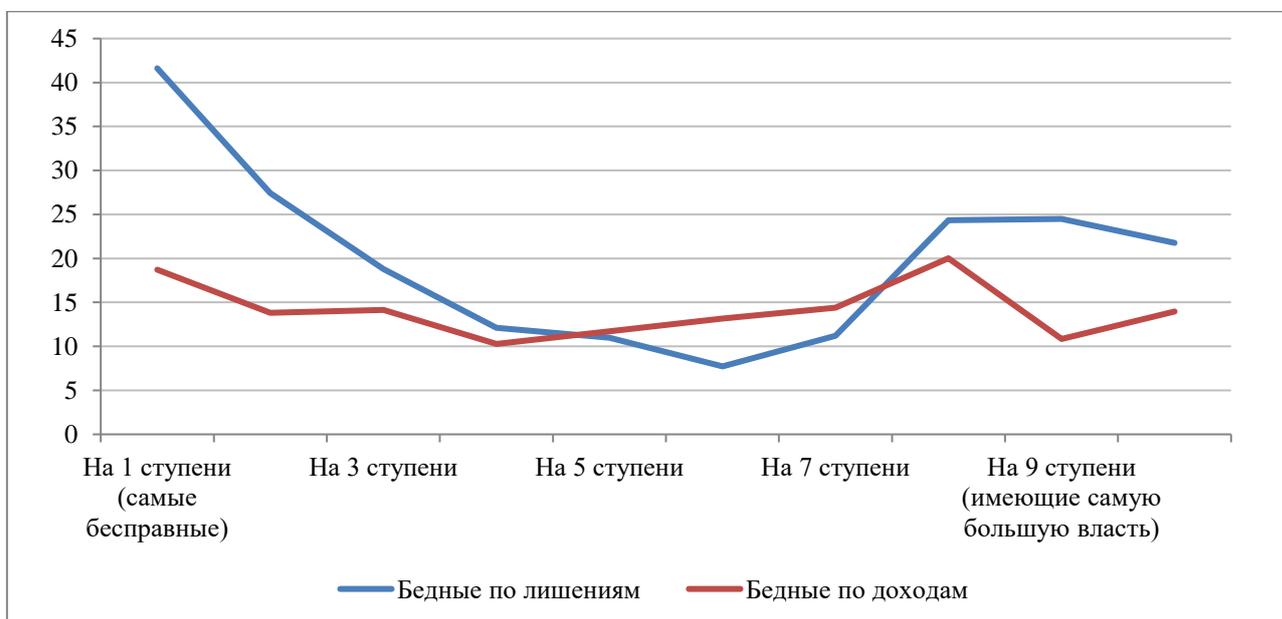

Рисунок 49 – Ответы бедных на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на низшей ступени которой стоят самые бесправные, а на высшей – имеющие самую большую власть. На какой ступени стоите вы?», %

Такой же вывод можно сделать и относительно шкалы уважения. Если бедные по доходам с вероятностью 10-20% есть на всех ступенях гипотетической лестницы уважения, то бедные по лишениям в большей степени представлены на нижних ее ступенях (до 50% группы стоящих на нижней первой ступени относятся к бедным по депривациям) (рисунок 50).

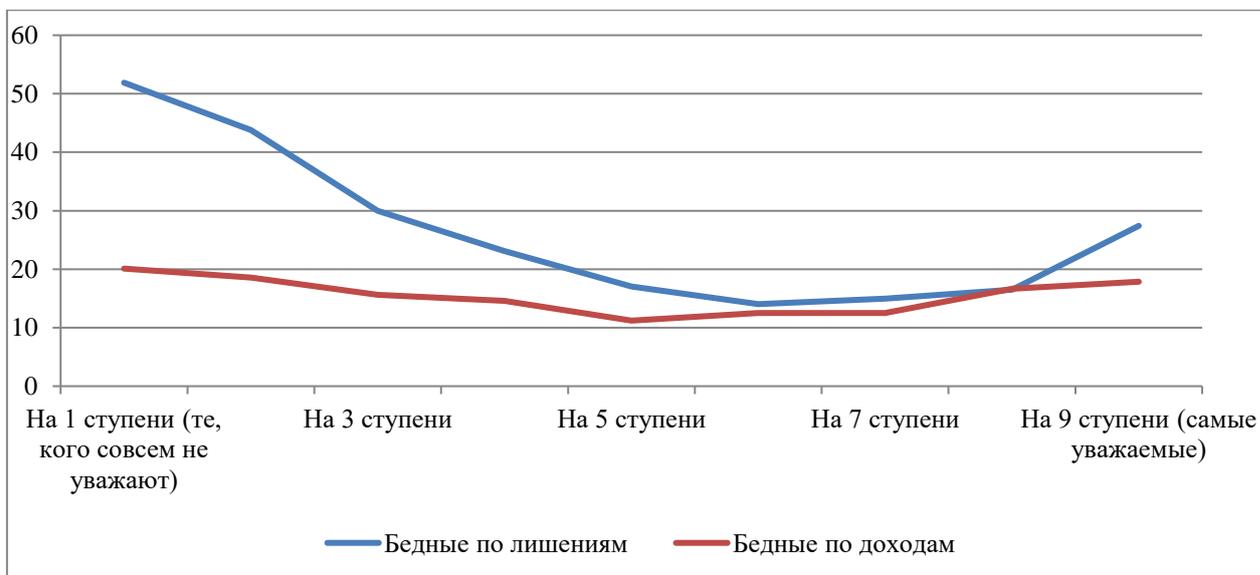

Рисунок 50 – Ответы бедных на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, на нижней ступени которой стоят те, кого совсем не уважают, а на высшей – самые уважаемые. На какой ступени стоите вы?», %

Средняя оценка ступени шкалы, на которую себя ставит респондент, бедный по лишениям, составляет 2,9 по богатству, 2,5 по власти и 4,7 баллов по уважению. Респонденты с доходом ниже прожиточного минимума оценивают свою позицию чуть выше: 3,5 балла по богатству, 3,1 по власти и 5,2 по уважению (рисунок 51).

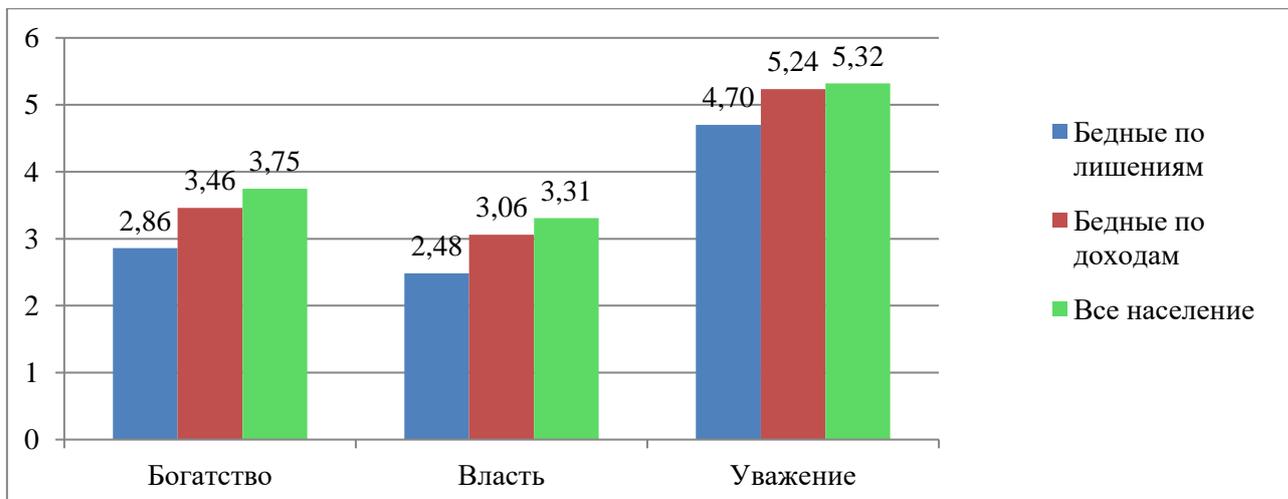

Рисунок 51 – Средняя оценка своего места на шкале богатства, власти и уважения бедных по лишениям, бедных по доходам и всех опрошенных, единиц

Таким образом, депривационная бедность респондента сопряжена с низкой субъективной оценкой по шкалам богатства, власти и уважения – почти на один балл ниже средних по выборке характеристик. Бедность по доходам снижает положение на шкале уважения на 0,1 балл, на шкале власти и на шкале богатства - на 0,3 балла, демонстрируя низкую чувствительность субъективных индикаторов к абсолютной монетарной бедности.

Выводы

Депривационная бедность иллюстрирует степень (не)удовлетворения базовых потребностей в потреблении. Следуя рекомендациям международных организаций и опираясь на опыт предыдущих исследований, мы конструируем многомерный индекс деприваций, сначала построив частные индексы по группам признаков (доменам). Мы строим шкалу деприваций на основе шести доменов - базовому потреблению, здоровью, жилищных условиях и быту, финансовому положению, сфере занятости и социальной включенности. Домены воспринимаются при суммировании как равнозначные, и наличие 4 признаков из 6 принимается нами в качестве индикатора бедности. К бедным по депривациям мы относим тех, у кого значительно ограничен доступ к благам по четырем доменам из шести. Таких насчитывается 22% выборки ЧСО, в их числе 1,4% бедных по всем шести направлениям, и 7% имеют пять признаков лишений из шести.

Применяемый нами подход к стратификации кроме материально-имущественного признака учитывает социально-профессиональный статус и субъективные критерии. И по самому принципу конструирования он близок к многомерному подходу к измерению положения населения, в частности к измерению бедности, который применяется Европейскими странами. Сопоставление депривационной и абсолютной монетарной бедности по всем стратификационным группам показывает, что низ стратификационной лестницы лучше «схватывается» индикатором депривационной бедности – в нижнем классе 60% представителей депривационно бедны, в то время как по доходам в бедность попадает только 31% этой страны. Это говорит о более тесной связи нашего подхода к стратификации с депривационной дефиницией бедности не только по комплексности характера подхода, но и по значительному пересечению группы «бедных по лишениям» со страной «нижний класс».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование социальной структуры российского общества позволяет заключить следующее.

Данные социологического опроса «Человек, семья, общество» подтверждают, что материально-имущественная обеспеченность домашних хозяйств за последние несколько лет ухудшилась. О снижении реальных доходов свидетельствует и официальная статистика, однако в материально-имущественную компоненту стратификационной шкалы вместе с доходами входят индикаторы потребительских возможностей. По сочетанию ряда материально-имущественных признаков, доля тех, чей уровень жизни соответствует стандартам среднего класса, сократилась с 27% в 2013 г. до 24% населения в 2017 г. Субъективный компонент индикатора среднего класса также значительно снизился, с 26 до 20% за тот же период. По социально-профессиональному статусу произошло некоторое увеличение доли тех, кого можно отнести к среднему классу (с 19 до 21%), однако три базовых критерия стратификации стали менее согласованными и в целом доля интегрального среднего класса сократилась с 22% в 2013 г. до 21% в 2015 г., а затем до 15% населения в 2017 г.

Факторы улучшения или ухудшения материального положения населения можно разделить на индивидуальные и групповые. К первым относятся переходы по стадиям жизненного цикла и глобальные смены статусов, например переход от учебы к работе, или рождение детей и связанные с этим смены статуса занятости. Выход на работу улучшает материальное положение отдельных людей и всей возрастной когорты 18-29 лет. Рождение ребенка, напротив, выступает как снижающий фактор, инвариантный относительно пола респондента.

Обладатели высшего образования демонстрируют повышенную мобильность и вверх, и вниз, по сравнению с теми, у кого нет высшего образования. Среди работников бюджетного сектора улучшение материального положения наблюдается чуть реже, чем среди небюджетников при прочих равных. На вероятность ухудшения сектор занятости практически не влияет. Снижение уровня материального положения чаще всего затронуло жителей городов-миллионников, в то время как проживание в более мелких населенных пунктах – фактор, скорее свидетельствующий в пользу его неизменности.

По данным опросов ЧСО 2015 и 2017 гг. доля работников бюджетного сектора среди занятых практически не изменилась, составив соответственно, 23,1% и 23,7% (76,9% и 76,3% работников заняты в небюджетном секторе). За счет более активного

участия незанятого населения в опросе 2017 г доля занятых в бюджетном секторе по отношению ко всему населению (занятому и незанятому) снизилась с 16,5% в 2015 году до 14,4% в 2017.

В результате подвижки социально-профессиональной структуры и уровней образования занятых, доля среднего класса в соответствии с социально-профессиональным критерием в бюджетном секторе снизилась на 11,7%, в небюджетном - на 6%.

Субъективные оценки социального положения работников бюджетного и небюджетного секторов экономики в рамках самопозиционирования респондента на шкалах богатства, уважения и власти, практически не изменились за период 2015-2017 гг., причем эти оценки практически не варьируются в разрезе двух секторов.

Иначе дело обстоит со степенью уверенности в завтрашнем дне, в частности в видении того, как в ближайшие годы могут измениться финансовое положение, жилищные условия и карьера. В целом респонденты, занятые в обоих секторах экономики, склонны оценивать эти показатели более пессимистично в 2017 году, нежели в 2015. Если у людей, которые в кризисный период сохранили свои рабочие места, оценка текущего положения дел и не изменилась, то о будущем они стали думать более негативно.

Поскольку субъективный признак среднего класса рассчитывается как раз на основании вопросов об уверенности в завтрашнем дне, то более негативные оценки перспектив в 2017 году привели к сокращению доли причисленных к среднему классу. В бюджетном секторе она снизилась на 1,7%, а среди работников небюджетного сектора сократилась еще более значительно, на 6,2% относительно уровня 2015 г.

В итоге в интегральный средний класс по совокупности трех базовых критериев в 2017 г. попало 22% бюджетников и 25% небюджетников (в 2015 г. в средний класс входили 27% бюджетников и 31% занятых в небюджетных отраслях). Доля среднего класса сократилась на 5-6 п.п., на небюджетном секторе кризис отразился сильнее, однако занятые этой группе отраслей по-прежнему имеют более высокие шансы попасть в средний класс. Среди бюджетников доля низшего класса выросла с 5,8% до 8,2%, а среди небюджетников в низший класс вошло также на 2,5% опрошенных больше, чем в 2015 году, и доля среднего класса здесь составила 9%.

Депривации или лишения выступают предметом оживленного научного интереса, как способ измерения уровня жизни населения. Однако стройной универсальной концепции измерения депривационной бедности еще не сложилось, что обусловлено как широким полем возможностей в выборе отдельных индикаторов, так и множеством

подходов к построению единого композитного индекса, который в итоге может значительно влиять на результат классификации. Мы строим шкалу на основе шести доменов - базовому потреблению, здоровью, жилищных условиях и быту, финансовому положению, сфере занятости и социальной включенности. Домены воспринимаются при суммировании как равнозначные, и наличие 4 признаков из 6 принимается нами в качестве индикатора бедности. Внутри каждого домена отдельные индикаторные признаки берутся с одинаковым весом, вне зависимости от их статистической распространенности и важности или «жизненной необходимости» с точки зрения общечеловеческого смысла и сложившегося образа жизни.

Депривационная бедность иллюстрирует степень (не)удовлетворения базовых потребностей в потреблении. Обследование ЧСО-2017 позволяет исследовать депривации шире и глубже, чем приведенный в анкете перечень того, что респонденты «могут себе позволить». Следуя рекомендациям международных организаций и опираясь на опыт предыдущих исследований, мы конструируем многомерный индекс деприваций, сначала построив частные индексы по группам признаков (доменам). К бедным по депривациям мы относим тех, у кого значительно ограничен доступ к благам по четырем доменам из шести. Таких насчитывается 22% выборки ЧСО, в их числе 1,4% бедных по всем шести направлениям, и 7% имеют пять признаков лишений из шести.

Применяемый нами подход к стратификации кроме материально-имущественного признака учитывает социально-профессиональный статус и субъективные критерии. И по самому принципу конструирования он близок к многомерному подходу к измерению положения населения, в частности к измерению бедности, который применяется Европейскими странами. Сопоставление депривационной и абсолютной монетарной бедности по всем стратификационным группам показывает, что низ стратификационной лестницы лучше «схватывается» индикатором депривационной бедности – в нижнем классе 60% представителей депривационно бедны, в то время как по доходам в бедность попадает только 31% этой страты. Это говорит о более тесной связи нашего подхода к стратификации с депривационной дефиницией бедности не только по комплексности характера подхода, но и по значительному пересечению группы «бедных по лишениям» со стратой «нижний класс».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Alkire S., Santos M. (2010). Acute Multidimensional Poverty: A New Index for Developing Countries, Human Development Research Papers (UNDP).
2. Guio A.-C., Gordon D., Marlier E. (2012)/ Measuring Material Deprivation in the EU: Indicators for the Whole Population and Child-Specific Indicators, Eurostat Methodologies and Working Papers (OPOCE)
3. Coromaldi M., Zoli M. (2012). Deriving Multidimensional Poverty Indicators: Methodological Issues and an Empirical Analysis for Italy. Social Indicators Research. Vol. 107. Pp. 37-54;
4. Aaberge, R., Brandolini, A. (2015) Multidimensional Poverty and Inequality. In A. B. Atkinson & F. Bourguignon (Eds.), Handbook of income distribution, Chapter 3. Pp. 141-216. Amsterdam: Elsevier.